

Маги начинают и выигрывают

ЗУКТА АЗОВКА

ВОРОЖЕЯ

Магический детектив (АСТ)

Катя Зазовка

Ворожея

«АСТ»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зазовка К.

Ворожея / К. Зазовка — «АСТ», — (Магический детектив (АСТ))

ISBN 978-5-17-098045-1

Лихие дела стали твориться в лесной деревушке с приходом молоденькой ворожеи: волколак целый обоз пожрал, первая краса села утопла, украли папарты-цвет, что должен был черную силу отвадить. А после молодцев да мужей невиданная хворь косить стала. И, кажись, не конец это вовсе... Да черная ведьмарка, что грозила всю деревню извести, тут, видать, ни при чем...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-098045-1

© Зазовка К.
© АСТ

Содержание

Глава 1. Путь домой	6
Глава 2. Купальская ночь	16
Глава 3. Лихо, ведьмарка иль нечистики?	25
Глава 4. Русалка	35
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Катя Зазовка Ворожея

© К. Зазовка, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Глава 1. Путь домой

Под легчайшим шагом не приминалась ни единая травинка, не хрустела ни одна веточка. Даже сероватые листья, давно отпустившие души в вырай¹, не шелестели. Милава привыкла ступать тихо, так, чтобы даже прятный летний ветерок не примечал вливавшееся в него дыхание. Ворожея родилась с редким даром: не вредить. А еще умела разглядеть чужие муки да отвести их прочь от страждущих. Пожалуй, девица и дальше жила бы в крохотной, поросшей мхом хатке, что притаилась между лесом и топью, – там она была счастлива, помогая зверю, птице и прочим обитателям земли-матушки, зачастую скрытым от человеческого ока, – но вещий сон прогнал покой и заставил отправиться в трудный путь.

А привиделось Милаве, как манит ее узловатым пальцем родная бабка – черная ведьмарка. И как бы ни хотелось миновать той встречи, она понимала: не уйти с этого света ведьмарке просто так. Всем ведомо, что темные помирают долго и тяжело, пока от силы своей не избавятся. Крепко страшило, что бабка перед кончиной приневолит внучку страшный дар перенять. Чуждо сердцу было такое наследие. Да только как растолковать то помирающей, что целый век копила черную мощь? Как подобрать нужные слова? Что, если озлобится, сговорится с Моровой панной², да найдет, не дай Дажьбог³, на селян какой хвори иль иной напасти.

Потому и лежал нынче Милавин путь в деревеньку, что славилась кожевными мастерами и, хоть пряталась в лесу, нередко привечала пришлых торговцев, охочих до местного товара.

От тягостных мыслей ворожею отвлек заметно посвежевший воздух, что через десяток шагов наполнился птичьим гомоном. Видать, до Гиблого озера добралась. Отсюда до деревни рукой подать. Она отогнула веточку, потом еще одну, прокралась к воде и затаилась. На бревнах да валунах сидели озерницы да о чем-то взволнованно щебетали. И чего-то они так оживились? Вон, даже Милаву не услышали. Перламутровые гребни то и дело углублялись в шелковистые зеленые локоны. Красоты озерницы были редкой – не диво, что молодцы да зрелые мужи в их сети попадали шибче, чем мухи в паутину. Ворожее очень хотелось узнать, о чем чирикают прелестницы, но она ни слова не знала из диковинного языка. Вот бабка наверняка бы все поняла: ей и звери жалятся, и гады ползучие из Навья⁴ вести приносят...

Отошедшая на миг грусть снова захлестнула душу. Сердце сделалось свинцовым. Деваться некуда – надобно идти к помирающей. Ворожея тихонько побрела в сторону деревни, так и не разгадав, о чем болтают озерные чаровницы.

Недалече от деревни Милаве встретился родник. Чистая водица отразила все, точно зеркало.

Никуда не годится!

Ежели стоптанные до дыр каверзни и потрепанный сарафан люди добрые еще простят, то бледный, точно у мертвячки, лик, глаза-угольки да темные спутанные волосы точно не вселят доверия к пришлой девке. А ведь к ним еще и слава бабки-ведьмарки прилагается.

Милава вздохнула и принялась приводить себя в порядок. Холодная водица споро смыла грязь с рук и ног, унесла пятна с одежды. На плечо легла длинная блестящая коса.

Когда же корзинка опустела от нехитрой снеди из ягод, а дорожный мешок уже покоился за плечами, Милава продолжила путь.

¹ Вырай – место недалеко от солнца, куда улетают души мертвых людей и зимуют птицы (*здесь и далее примеч. автора*).

² Моровая панна – человекоподобный дух, который насылет мор.

³ Дажьбог, или Дажбог – бог Солнца, защитник и учитель земледельцев, покровитель знахарей, хранитель земных ключей.

⁴ Навье, или Навь – место в Подземном царстве, где правят боги и духи, несущие болезни, смерть, а также стремящиеся украсть душу, чтобы остановить бессмертную жизнь человека.

– Помогите! Помогите! – донесся женский крик из чащобы.

Ворожея стремглав кинулась на подмогу. Ветви сами расступались, трава точно подталкивала в нужном направлении. Но крик смолк. Милава остановилась. Прислушалась.

– Помогите-е! – возобновилась истошная мольба.

Видать, кто-то в болоте погряз. Тут кругом их видимо-невидимо, в сплошную трясиину сливаются. Только бы поспеть!

– Помогите!.. Кто-нибудь... – голос терял силу, грозясь вот-вот совсем сникнуть.

– Держись! – откликнулась ворожея и выскочила на опушку, где очам открылась совершенно неожиданная картина: полураздетая светловолосая девица, чуть старше ее самой, отчаянно отбивалась от парня богатырского сложения. Подлец-удалец уже сжимал в руках камениюку, собираясь свести на нет и без того слабое сопротивление.

– Погодь! – задохнулась от ужаса Милава.

Парень обернулся. Его лик оказался на диво пригожим. Если б не извивающаяся жертва и булыжник в руке, ворожея ни в жизнь бы не поверила, что такой человек может оказаться лиходеем. Правильные черты исказили злоба и досада. Побелевшие от напряжения уста жестко бросили:

– Ступай своей дорогой да не суйся в чужие дела!

– Помоги мне, девица! – взмолилась светловолосая смуглянка.

– Отпусти ее! – отчеканила Милава, силясь вложить в свои слова яростную угрозу. – Отпусти, а не то я...

– Что ты? – хмыкнул молодец, но уже в следующий миг вздрогнул, замер и обмяк, русая голова безвольно упала смуглянке на плечо, а так и не пригодившаяся камениюка выкатилась из ладони. Светловолосая девица с трудом выкарабкалась из-под могучего тела. Ее плосковатая грудь прерывисто вздымалась, а ручки-веточки безуспешно кутали хрупкий стан в разорванный сарафан из суровья.

– Благодарствую, – хмуро сказала она, так и не подняв глаз.

– За что? – удивилась Милава.

– Что отвлекла.

– Он жив? – обеспокоенно спросила ворожея.

– Надеюсь, нет. – Смуглянка с отвращением сплюнула, угодив в русую голову.

– А... что ты с ним сделала?

– Всего-навсего то же, что он хотел сотворить со мной – огрела булыжником. У! Подлюка! Чтob ты сдох! – от души пожелала девица лиходею.

Милава подошла ближе к распростершемуся в нелепой позе богатырю и поднесла ладонь к его рту.

– Дышит, – с облегчением заметила ворожея.

Светлые брови незнакомки недоуменно надломились над почти бесцветными глазами.

– Как ты можешь жалеть этого мерзотника?

Милава пожала плечами. Ей было странно слышать, что человек желает кому-то гибели, даже при таких обстоятельствах.

– Пойдем отсюда, покуда он не очухался, – предложила смуглянка.

– Но... как же мы его тут одного покинем? – забеспокоилась Милава и огляделась по сторонам.

– Ты блаженная аль юродивая какая?! Он едва не пришиб меня, разумеешь? И тебя б выследил да следом за мной в Навье отправил!

Ворожея рассеянно кивнула, но шепотку травки на ранку богатыря сыпнула. Незнакомка недовольно поджала губы. Девицы побрели к деревне. Смуглянка шла впереди, руками стягивая обрывки одежды. В какой-то миг она, не оборачиваясь, сухо бросила:

– Меня, кстати, Востой кличут.

– А я – Милава.

– Ты куда путь держишь, если не тайна?

Странно, как из такой хрупкой девицы выходили такие резкие нотки.

– Не тайна. Иду к бабке в деревню. Помирает она. А ты?

– А я путницей брожу по свету. Лучшей доли ищу.

– А тот молодец, он что...

– Этот лиходей, – оборвала спутницу Воста и снова сплюнула, – подкараулил меня да напал. Снасильничать хотел. Да, хвала богам, ты вовремя подросла.

– Пойдем в деревню вместе. Авось и тебе там место сыщется. А если понравится, так и насовсем останешься.

– В хату к бабке не зовешь?

– Не смею. Не хозяйка я там, – честно призналась Милава. – Я и сама бы не пошла, да не могу.

Воста промолчала, продолжая двигаться по тропе напористо, даже с остервенением, будто после случившегося возненавидела всю земную благодать и теперь мстила каждой веточке, каждому листку, нещадно их топчя и ломая. Ну да ничего, крепкий сон, пара глотков кваску – и дурные воспоминания как рукой снимет. Об одном только Милава сожалела – что пошла на поводу у смуглянки, бросив богатыря одного. Места те недобрые, Паляндрой отмеченные. Правда, до деревни недалече, потому за молодым всегда вернуться можно. Она так и сделает, только Восте обустроиться поможет. Иль в его хату наведается да обо всем сродичам поведает – пущай сами его забирают.

На душе чуть полегчало – и вокруг словно прояснело. Лес поредел, в межствольных про-светах показался постоялый двор. Девицы еще не переступили черту деревни, когда воздух донес о здешнем возбуждении. Да сегодня ж Купалье! Как же Милава запаматовала? То-то озерницы так оживились. Эх, надобно успеть за тем богатырем вернуться, покуда лес совсем не ожил. Ворожея украдкой глянула на спутницу: смуглое лицо ничего не выражало, только блеклые глаза сузились, будто в предвкушении... Празднества?

– Пойдем на постоялый двор. Там наверняка для тебя место сыщется.

Воста кивнула. Девицы подошли к бурой избе и постучали. Отворилась дверь – на пороге выросла высокая женщина средних лет, наскоро заматывавшая намитку⁵.

– Нынче у меня мест свободных нет. Но, коли пожелаете, могу вас вон там обустроить, – постояличиха махнула влево и обвела взглядом подранное одеяние Восты. – Если надобно, кой-какая одежда тоже сыщется.

Девицы повернули головы в указанном направлении. Вполне крепкая, хоть и малость покосившаяся постройка некогда использовалась как хлев. Воста и Милава, переглянувшись, кивнули.

– Пойдемте покажу. Сено свежее, душистое. Будете спать, как у Перуна за пазухой. Хотя не уразумею никак: зачем сегодня ночлег? – Хозяйка заговорщицки подмигнула и распахнула хлипковатую дверь.

– Здесь только Воста останется.

– Вон оно что, а ты, стало быть, гаданий да жаркого празднества не срамишься? – плутовато улыбнулась постояличиха.

– Не в том дело. Я сюда к бабке прибыла. Помирает она... – пояснила Милава. Лучше сразу открыться, ничего не утаивая. А ну хоть это поможет людям не чураться молоденькой ворожеи. Или хотя бы не мешать.

⁵ Намитка – головной убор в виде длинной полоски ткани, которую заматывали на голове, отсюда – наметка или намитка.

Хозяйка отшатнулась. Ее и без того большие глаза увеличились вдвое и наполнились ужасом. Постояличиха несколько раз открыла рот да попыталась что-то ответить, но так и не произнесла ни слова.

– Ладно, пойду я, – выдохнула Милава и побрела к бабкиной хате.

– Бывай, – кивнула Воста.

Постояличиха лишь беззвучно тарашилась.

* * *

Милава шла по главной улице. Она не была здесь с тех пор, как мамка-знахарка сбежала разом с малолетней дочкой от черного наследства, однако в деревне мало что изменилось. Разве что появилась пара новых хат, да старые разрослись разом с семьями.

– Куда путь держишь, девица?

Милава обернулась. У резного крыльца красивой избы стоял высокий мужик, крепкий, хорошо одетый, в высоких кожаных сапогах. Его лицо, густая русая борода да такие ж волосы на мгновение заставили ее вспомнить о том молодце, что напал на Восту. Богатое ухоженное подворье явственно говорило, что перед Милавой не простой человек. Кузнец? Иль какой иной здешний мастер? Девица поклонилась, смахнув пальцами песчинки с дороги.

– К бабке иду, помирает она.

Ворожея уже приготовилась, что мужик погонит ее прочь, но тот улыбнулся. Светло от той улыбки отразилось в глазах, лучиками разошлось в морщинках.

– Да ты, видать, внучка Кукобы, что Черной кличут?

– Так. Меня Милавой звать.

– Ну а я – дядька Черета, староста деревни. Коли чего потребуется, ты не стесняйся, проси. Да на дураков местных особливо внимания не обращай и, если какие глупости говорить будут, не серчай.

– Спасибо, дядька, – Милава обрадовалась, что к ней так отнесся первый человек на селе. Видать не зря этому красивому и статному мужику здешний люд доверился – ни мудростью, ни умом не обижен.

– Издалече идешь? Поди устала? Давай-ка я тебя хоть кваском попотчую!

– Кваску не надобно. А вот если кринкой водицы колодезной уважишь, век благодарна буду.

– Ну, век не надобно, – отмахнулся Черета. – Воды не жалко. Тем паче у бабки твоей колодец камышом порос, пить неоткуда. Погодь чуток, я сейчас.

Черета скрылся за толстой дубовой дверью, что даже не взвизгнула. Да и чему было визжать да скрипеть? Вон петли блестят, что серебряные. Ладное хозяйство у старосты. Да видать, и семья не малая. В доме слышались какая-то возня да оклики. Скоро Черета снова стоял подле Милавы.

– Сейчас Услава, дочка моя, принесет воду. А ты покуда вот это возьми. Мыслю, у Кукобы не сыщется чем повечерять.

– Благодарствую, дядька, – девица спрятала увесистый сверток в дорожный мешок.

– Алесь куда-то запропастился. Так бы он помог тебе. Это сын мой. На охоту еще затемно подался.

А не тот ли это богатырь, что Востой овладеть хотел? Милава на мгновение замаялась, а потом решила:

– Встречала я одного молодца. На тебя похож – красив, высок, плечист, волосом рус. Вот только помыслами нечист.

– Как это, дочка?

– Снасилъничать над одной девицей хотел. Да я мимо шла, не позволила злодеянию свершиться, – смягчилась Милава, глядя в синие глаза старосты.

– И где ж он теперь? – заволновался мужик. Лучистая улыбка погасла.

– Лежит там, в лесу. Да не пугайся, жив он. Без сознания только, а может, уже в себя пришел – я на его ранку знатного сбора сыпнула – да скоро возвратится...

– Ах ты мерзавка! – гаркнула девица – и откуда только взялась? – да с такой злостью поставила на землю ведро, что большая часть воды расплескалась. – Как смеешь ты порочить моего брата? Ты – порождение черной ведьмарки!

– Усилада, уймись! – цыкнул Черета. – Тебе никто слова не давал.

Пышная девица недовольно поджала пухлые губы, но послушаться не посмела. Ее ноздри трепетали от негодования, а грудь под расшитым сарафаном неистово вздымалась.

– Сложно поверить в то, что ты рассказала, Милава. Не похоже это на Алеся. И на деревне его знают как честного и доброго молодца. Видать, не его ты повстречала.

Однако у ворожеи уже сомнений не было: тот богатырь – сын старосты, уж больно схожи они промеж собой. Но разубеждать Черету Милава не стала. Тем паче ярость, исходящая из светлых глаз Усилады, обидно хлестала по щекам. Пускай сами все выясняют, а там и Воста расскажет, как дело было.

– Как знаешь, дядька Черета. Молодец тот недалече от постоянного двора лежит. По тропке в чащу пойдешь, без труда сыщешь, если он сам не поднялся. А если хочешь, меня обожди, я к бабке загляну, а там и в лес вернуться можно.

– Что ж, ступай, – хмуро отозвался мужик.

– Да куда ты ее отпускаешь? – всплеснула руками Усилада.

– Молчи! – упредил староста. – А ты, Милава, не мешкай. Я тебя в хате обожду. Кликни, как возвратишься.

Ворожея подхватила ведро и пошла дальше. Затылок еще долго горел под взглядом Усилады. Но она не обернулась. Впереди ждала куда большая неприятность – встреча с бабкой. Дорога оказалась намного короче, чем сохранилась в памяти. Но так всегда случается, коли идти не хочется.

Показалась страшноватая хата без крыльца, с крохотным оконцем, затянутым бельмом-пузырем. Изба походила на черный горб, выросший прямо из земли, и всем своим видом говорила: «Не подходи, коли желаешь жить да здравствовать». Пахло черной силой. Не успела Милава занести руку, чтобы отворить рассохшуюся дверь, как из недр горба проскрипел старческий голос:

– Не чаяла уж, что явишься.

Милава поглубже вдохнула, готовясь к встрече, выдохнула и шагнула внутрь. В нос ударил тяжелый приторно-сладковатый воздух. Чрево избы оказалось ненамного светлее, чем снаружи. Ворожея поставила ведро на пол, сняла дорожный мешок, хотела было зажечь лучину, но наказ старухи удержал:

– Подойди.

Милава подошла к печи и, как водится, поклонилась в пол:

– Здравствуй, бабушка.

– Нече спину гнуть, ближе подойди.

Ворожея послушалась, приставила лавку и поднялась повыше. Среди грязных простыней и кипы поеденного молью меха покоилась осунувшаяся Кукоба. Костлявые руки лежали вровень с тощим телом. Лицо испещряли глубокие борозды-морщины, седые колтуны огибали голову. Веки плотно сомкнуты, рот – узкая черточка. Точно мертвая.

– Долго ты, однако, шла ко мне, – отчетливо проскрипела сквозь сомкнутые губы.

– Я спешила как могла.

– Вот что, внучка, – дерзкий скрип сменился притворной елейностью. – Мое время пришло. Паляндра в гости каждый вечер жалует, а забрать не может. Иссыхаю я заживо. Даже кровь в венах застыла. Нет мочи терпеть. Пособи мне, забери мою силу.

– Бабушка... кой-какое умение во мне и так уже живет-здравствует. – Милава сглотнула, стараясь дышать ровно.

Старуха вдруг захохотала, не открывая рта: громко, холодно, страшно. Милаве, повидавшей немало чудного, стало не по себе.

– Да что есть твоя возня с птахами да зверухами супротив моей мощи? Пойми, глупая, что с новыми умениями пред тобой сама земля свои тайны раскроет, ночь секреты распахнет. Только согласишься – и великая сила перетечет в твое тело. Захочешь – воздух сгустится и обратится дорогой метле твоей. Люд станет падать ниц пред тобой в благоговейном страхе. Ты вознесешься над всеми болезнями и несчастьями. А там, глядишь, и сама Паляндра отступит, даруя вечность бытия!

– Нет, – прервала оболванивающий поток слов Милава и сама испугалась своей резкости. И тут же постаралась смягчиться, страшась, что злобная бабка покарает всю округу за неуважительный ответ. – Мне и так добре. Чем смогу, тем и так людям помогу. А вечная жизнь... Не по мне это. Не сердчай на меня, бабушка.

– Да ты такая ж бестолковая, как твоя мать! Много ли ей счастья принесло непослушание? Иль нашла она радость среди болотной топи, когда сбежала от меня, точно крыса подлая? – скрип в голосе обратился сталью. Каждое слово кромсало душу, вызывая из недр памяти грустные воспоминания о любимой матери.

Милава была очень близка со своей родительницей. Именно та передала все свои знахарские силы и целительные умения. Мать научила, что истинное счастье в благодарных глазах спасенного. Милава никогда не сомневалась, что родительница была по-настоящему счастлива именно там, в лесной глуши, вдали от черной мощи Кукобы. Вот только счастье это длилось недолго – коварная болотная лихорадка в три дня выпила все жизненные соки из молодой, пышущей здоровьем женщины. Даже собрав все свои знания, все свои дарования, Милава не сумела ее излечить.

– То-то и оно! А коли бы ты владела моим могуществом, то она бы и сегодня здравствовала, – Кукоба словно прочла мысли внучки.

Проницательная ведьмарка сумела зародить зерно сомнения в юном сердце. Милава спешно захлопотала по дому, силясь выгнать из сердца черную занозу, и не заметила, как доселе недвижимый старческий рот изогнулся в довольной ухмылке.

– Купальская ночь щедра – я тебе травок соберу, – ворожея попыталась перевести разговор в иное русло.

– Себе собери. Даю тебе остаток дня да ночь на размышления. Ну, а опосля не сердчай, – старуха смолкла. И, по всему видать, надолго.

* * *

Милава спешила прочь от горбатой хаты, глубоко вдыхая свежий воздух. Как же быть? Как убедить бабку селянам зла не творить? Как черную силу отвадить да помочь Кукобе спокойно в Навье отойти? Слишком мало опыта у молоденькой ворожеи – не успела мать всему научить.

Подворье и крыльцо хаты старосты пустовали. Ворожея немного потопталась, робея, а потом все ж постучала. Тяжелая дубовая дверь распахнулась, но Милаве не удалось рассмотреть ни уголка сеней – проем загородила Услава. Воинственный вид говорил, что та не намерена принимать гостью такого рода. Даже пестрая намитка угрожающе съехала на лоб.

– Мне б дядьку Череду... – стушевалась ворожея.

– А лукошка с самоцветами тебе не подать? – прошипела дочка старосты. Милава невольно отступила.

– Шла б ты прочь с нашей деревни подобру-поздорову. Да бабку б свою с собой прихватила!

Дубовая охранительница захлопнулась. Но ворожея все еще переминалась с ноги на ногу у дома старосты. Ей во что бы то ни стало надобно было увидеть Череду. Как же тот молодец?

– Ты не серчай на нее, красавица.

Милава обернулась – мимо шла пожилая женщина.

– Услава – девка с норовом, но отходчивая. Уже назавтра об обиде запомнит. Передержанная, оттого и нервная чуток.

– Да я не серчаю. Мне старосту позарез видеть надобно.

– А я его только что у кузнеца встретила. Он там Цвета, сына мастера, костерит. Болван, снова коней абы как подковал. Цельный обоз с товаром для Рогачева промеж леса и топи стал. Ведаешь, где хата кузнеца?

– В самой середине деревни? – припомнила девица.

– Верно. А ты сама чьих будешь?

– Я – Милава, внучка Кукобы.

Пожилая женщина вмиг изменилась в лице. И, больше не говоря ни слова, повернулась и заспешила прочь. Добравшись до крыльца ближайшей хаты, она с молодецкой удалью юркнула внутрь, плотно затворив за собой дверь.

Милава пожала плечами и побрела в указанную сторону, где наводил порядок староста. Память быстро помогла найти хозяйство мастера. Оно тоже не сильно изменилось – только хату местами подлатали да кузницу расширили. Как раз подле мастерской и вели жаркий спор трое мужиков, среди которых самое живое участие принимал Черета. Он на чем свет стоит ругал бестолкового мастера. Пунцовый, аки маков цвет, рыжий молодец в кожаном фартуке изучал свои сапоги. Мужик постарше с такими ж солнечными волосами и бородой (видать, батька молодого мастера) махал кулаком перед опущенным носом сына.

Ворожея подошла ближе, но влезать в разговор не посмела. Цвет перевел кончик своего носа с сапог на Милаву. Мужики, заметив, что краснота лица повинного утратила былую выразительность, тоже переключились на девицу. Рыжие взирали с любопытством, староста – мрачно. Уже и не верилось, что на этом угрюмом лице может цвести светлая улыбка.

– Дядька Черета, пойдем, покажу тебе то место, – замялась Милава.

Староста нахмурился еще боле и обратился к мужикам:

– Я скоро вернусь. А ты, зараза этакая, что б к вечеру все исправил!

Молодой кузнец снова вспыхнул и, подталкиваемый бабкиной руганью, скрылся в мастерской.

– Давай отойдем. Не для чужих ушей наш разговор.

Староста хотел было подхватить Милаву под локоть и уже даже поднял руку, но тут же опустил.

Когда они укрылись под сенью раскидистой ивы, Черета взял слово:

– Алесь вернулся... Я-а-а... М-м-м... Понимаешь, Милава... Алесь – мой единственный сын, мой преемник. Он рассказал обо всем, что случилось в лесу, о той девице и тебе. Он признался, что чуть не совершил злодеяние. Повинился во всем. Нечистик его попутал. Я его простил, хотя и наказал. С девицей ведь той все добре?

– Так, но...

– Погоди, Милава. У кого за пазухой провинностей нет? Юн он еще, глуп. На поводу страстей пошел. Ты не серчай на него.

– А как же Воста? Та девица?

– А что девица? – Черета виновато улыбнулся.

- Но ведь он же ее малость не убил!
- Ну, она ж жива... – порозовел староста. – Подалась куда-то...
- Она на постоялом дворе.
- Вона что. – На лбу Череды пролегли морщины. – Тем лучше. С девицей мы все мирно порешим. Ты только помалкивай, не выноси на суд людской...
- Ладно, дядька, но только если Воста согласие даст.
- Даст.
- Милава вовсе не была так уверена.
- Черета постарался направить разговор по иной тропе:
- Ну, а как там бабка твоя?
- Помирает, – только и нашлась что ответить ворожея.
- Что еще можно было поведать? О черной силе? О страшном наказании для всего села в случае неповиновения?
- Подсобить чем могу?
- Нет, дядька. Ничем ты мне тут не поможешь, – обреченно вздохнула Милава.
- Ну-ну, будет тебе. Не расстраивайся: всему свой черед. Старики должны помирать, дорогу молодым уступать – такова природа. Да ты б отвлеклась. С девицами нашими погадала б – Купалье как-никак. Авось папарты-цвет сыщешь, тогда и все старые беды тебя покинут, а новые стороной обходить станут.
- Ладно, дядька Черета, пойду я.
- Ты, если что, не стесняйся – проси подмоги.
- Благодарствую.

Ворожея решила не возвращаться к бабке до самого утра – убедить ведьмарку не удастся, надобно к богам обратиться, попросить, чтобы те оградили деревню от напасти. Она углубилась в лес. Удрученная невеселыми думами, Милава сыскала древнее капище. Могучие идолы выселись над лесом и обещали даровать свою опеку тому, кто, следуя традициям, уважит богов подношением.

Милава выудила из мешка медный кинжал и уложила на валуны, распалила костер, бросила в него щедрую жменьку ритуального порошка и, запев негромкую молитву, принялась танцевать. Она кружилась и притопывала так, как делала ее мать, а до того сотни предков. Дым очищал сердце и душу, вытесняя все ненужное, все пустое. И лишь когда в разуме осталась только одна, самая важная мысль, острое лезвие рассекло ладонь. Сложенная лодочкой кисть наполнилась до краев – и девица выплеснула набежавшую руду на жертвенный камень. Гор-танним воем заполнился лес на множество саженей вокруг, костер разбух подобно гигантской розе. Боги приняли подношение.

* * *

- Гляди, гляди, что вытворяет! Видать, самая что ни на есть ведьмарка, – прошептала темноволосая девица с огромными оттопыренными ушами.
- Ишь, как скачет. Да и где это видано – с пустыми руками к богам идти? – едва слышно возмутилась ее подружка, с волосами, точно золото, и длинным носом-морковиной.
- Точно ведьмарка! Гляди, гляди, у нее там, кажись, нож лежит.
- Да, он самый! – Нос-морковина на миг высунулся и снова схоронился за валуном.
- Ведьмарки, если хотят чего от богов получить, свою кровь на камни проливают!
- Гляди, ладонь порезала! Пойдем отсюда, покуда она нас не приметил. Не то какой пакости найдет – и до хат не поспеем добраться.
- Пойдем, – согласилась темноволосая краса. – Надобно все старосте рассказать!
- Лучше каждому, кого встретим!

– И то верно!

Девыцы выскользнули из укрытия и, пригнувшись, поспешили к деревне.

* * *

Милава оторвала лоскут от нижней юбки и перевязала ноющую ладонь. Боги согласились помочь. Дышать стало легче. Медный кинжал еще не поспел лечь на дно мешка, а ворожея уже принялась за новое дело – надобно было сыскать кой-каких травок-стражей, сварить зелье да окропить каждую хату в деревне. Тогда наверняка бабкины черные силы до людей не доползут.

Добре, что нынче Купалье – вся молодежь по лесам да рекам разбредется. Кому ж не захочется папарать-цвет сыскать да в грядущее хоть одним глазком заглянуть? Вот и добре. А Милаве тем часом никто не помешает исполнить охранительный ритуал.

Солнце было на полпути в Навье, когда она отщипнула последнюю травинку. Лес наполнился дивными и необычными звуками, что не принадлежали ни зверю, ни птице. Шаловливый ветерок мазнул нос дурманными ароматами, а слух – эхом голосов. Никак простоволосые девыцы затаили песни, выплетая короны из цветов. Скоро-скоро разгорится яркое очистительное пламя. Скоро-скоро понесет волна венки к берегам суженых. Скоро-скоро сахарные уста оросят горячие поцелуи, а спелые грудки стиснут молодецкие ладони. А ворожея тем часом сможет подступиться к каждому подворью.

Милава неслышно брела к деревне, обходила ели, огибала болотца...

Откуда-то донесся жуткий вой, сменившийся не менее жуткими короткими рыками. Волк в капкан угодил? Милава поспешила на звуки. Рычание становилось все громче. Она развела в стороны густые ветки – последнюю преграду – и обомлела. На земле валялся старый кузнец и бился в агонии. Его тело скручивало, суставы выворачивало. Мужик то стонал по-человечьи, то выл да рычал по-звериному. Его руки и лицо обрастали рыжей шерстью. Нос, рот, подбородок вытягивались. Волколак! Милава подалась назад и притаилась в кустах. Неужто темный? Тут бы с бабкой-ведьмаркой сдюжить, так еще и этот нечистик. Ну да ничего, боги подсобят. Ворожея присела, черпнула землицы и стала втирать в кожу, чтоб человеческий запах отбить. Ведь всем ведомо, что нюх у волколака поострей волчьего будет, а к нему ведь разум человеческий прилагается. Затем, ступая как можно тише, поспешила к деревне, не дожидаясь полного обращения кузнеца.

Ночь подкрадывалась к деревне со всех сторон. И хотя макушки сосен покуда купались в уходящем багрянце, стволы уже тонули в сумеречной слепоте. Село опустело. Хаты сомкнули веки-ставни. Тишину не разбивал даже псовий лай. Видать, весь люд подался Купалье праздновать. Вот и добре. Вот и ладно. Милава развернула крынку с пахучим варевом и принялась окроплять им ближние к лесу подворья:

– Буйные ветры, унесите чары злые в леса дремучие, в степи широкие, в горы высокие. Воды скорые, воды тихие, утопите чары черные в глубине своей непроглядной...

Солнце уже перенеслось в Навье, а луна вскарабкалась на середку неба, когда ворожея осталось оградить только хаты, выстроившиеся на главной улице. Милава огляделась, но так и не узрев ни одной живой души, снова черпнула охранительного отвара и брызнула на очередную избу:

– Солнце красное, солнце ясное, спали нечистивые помыслы в огне своем жгучем. Луна круглая, луна бледная, охлади лукавые помыслы лучом своим блеклым...

А вот и дивное подворье старосты. Ворожея прислушалась – изба погрузилась в сон.

– Чары злобные, чары черные, слова лихие, помыслы дурные, взгляды косые, уйдите прочь от деревни, от селян местных. Да будет так не на день, а до веку...

Хлопнула дверь. На крыльце появилась Услава.

– Ах ты мерзость нечестивая! Я ведала, что ты снова к нам сунешься! – ядовито зашипела она, с трудом заставляя себя держать светец ровно. – Что, не удалось брата моего в лесу порешить, так ты решила его тут добить?!

– Нет, ты все не так поняла, – попыталась объясниться Милава. Надо ж, тут-то хат всего ничего осталось. – Наоборот, я хотела...

– Я вижу, чего ты хотела! – Взбешенная Услава ткнула толстым пальцем в кринку с зельем да в замазанное землицей лицо ворожеи. – Пришла всю деревню вместо своей бабки извести?! Да только не мысли, я тебя не страшусь. И у здешнего люда найдутся средства супротив такой нечисти, как ты!

Налитая дочка старосты сжала амулет, что болтался на ее полной шее.

– А ну, прочь пошла! И не смей впредь подступаться к нашим воротам!

Милава не стала спорить. Бесплезно помогать людям, коли они того не желают. Ни слова не произнеся, она отвернулась от Уславы и побрела в сторону бабкиной хаты. По пути ворожее посчастливилось заговорить еще пару домов.

Глава 2. Купальская ночь

Милава добралась до черной хаты, но не решилась коснуться даже разошедшейся двери. Трижды обошла уродливый горб, от которого невыносимо разило темной мощью, и побрела в сторону ветряка, где люд уже водил хороводы. Она и не думала к ним близко подбираться, но увериться, что бабкина черная сила не подлезла, было надобно. Да и выждать в кустах, пока Услава уснет или покинет избу, тоже не чудилось доброй мыслью: мало ли кто приметит – попробуй убедить тогда, что Милава ничего худого не затеяла.

Хотя празднество проходило на отшибе, ворожея легко нашла место, где смогла затаиться и понаблюдать. Яркий свет от огнища разливался далеко за пределы мельничьего хозяйства, сочился сквозь ели да сосны. Ритуальные песни разносились повсюду, обволакивали, проникали в самое сердце:

- Купала, Купала, где ты пропадала?
- За лесами, за полями, за высокими горами.
- Купала, Купала, где ты отдыхала?
- Под дождями, под снегами, под туманами-парами.
- Купала, Купала, где ты зимовала?
- Под дубами, под листьями, под черничными устами.
- Купала, Купала, где ты куковала?
- Под камнями, под ветрами, да под старыми мостами...

Матери подносили к огню, набравшему целебную силу, захворавших дитятей, моля вернуть им здоровье. Немошные старики, кои прибыли на руках правнуков и нынче находились дальше всех от пламени, почти на пороге темноты, умывались живительным дымом, просили о лишнем годке жизни да крупнице прежней удали, дабы не быть обузой потомству. Девушки-дурнушки, что еще на заре вымыли лики в росе, тихо заклинали о толике красоты да о добром женихе. У каждого было о чем просить богов в эту дивную ночь.

Точно по чьему-то велению, в костер разом полетели исподние рубахи больного люда. Прожорливое пламя вспыхнуло пуще прежнего, будто обещая исцеление.

Скоро девушки да молодцы разбились на пары, чтобы скакать через животворный огонь – ведь тогда он непременно очистит их и защитит от зол да дурного глаза. Первыми прыгнули златовласая краса и крепкий курчавый молодец. Их кисти не разъединились. Милава даже издали заметила, как улыбнулись друг другу люды – такой прыжок говорил о совместном будущем. А вот следующая пара обменялась колкими взглядами: не быть им разом – ладони разомкнулись. В третьей молодец подхватил любу на руки и разом с ней перемахнул через пламя. Стало быть, такой супруг и беду отведет, и от лиходея оборонит. Дальше молодые и кистей не расцепили, и прыгнули так высоко, что прочие ахнули от зависти – бедствовать паре уж точно не придется.

Покуда молодежь распевала песни да водила хороводы, среднее поколение пригнало на пригорок скотину. Угодья мельника заполнились мычанием, блеяньем, ржанием. Пожилая женщина даже петуха притянула – видать, глупая птица вместо топтания кур только и умела, что на хозяйку кидаться да об прохожих клюв точить. Но если лошадям, коровам и даже козам пришлось перескакивать кострище, страшась розг, то дурная птица ни в какую не желала перемахивать через устрашающее полье. Бабка под общий смех гонялась за ополоумевшим от страха петухом по всему пустырю. По велению старосты на подмогу пришла вся молодежь. Да только толку то не принесло – орущий кукарека и не мыслил сдаваться. Диво: птица ловко удирает от множества рук, но за границу света не перемахивала.

Вдруг всеобщую суматоху прорезал голос мальчика, перекричав даже петуха:

– Смотрите! Смотрите! Нечистик!

Селяне обратили взгляды в сторону, куда указывал малыш. У самой кромки на земле, промеж светом и тьмой, сидела черная кошка. Никто так и не признал в ней своего питомца.

– И правда, нечистик, – подытожил кто-то в толпе.

– Бей ее! – скомандовала девица с носом-морковиной.

В улепетывавшую прочь от огнища кошку тут же полетели десятки каменюк да палок, заготовленных как раз для такого случая. Ведь всем ведомо, что в купальскую ночь нечистики да ведьмари оборачиваются кем пожелают.

– Попал! – оповестил люд курчавый парень.

К нему отовсюду понеслась похвала. Ковыляющая кошка, как могла, спешила укрыться среди деревьев. Селяне сияли от радости – завтра хромота выдаст того, кто ведьмарит в деревне.

– Поймала! – объявила запыхавшаяся женщина, что умудрилась-таки сцапать своего петуха. – Вот только ума не приложу, как его через кострище заставить перелететь? Он же крылья расправит, да все в сторону норовит.

– Вяжи ему лапы! – предложил сын старосты. – Да крылья перетягивай.

– Это еще зачем? – удивился какой-то молодец.

– Эх, ты простых вещей не разумеешь, – хмыкнул богатырь.

– Вяжи, – поддакнул староста.

Женщина откуда-то выудила веревку и обмотала лапы да крылья непослушной птицы. Петух истошно вопил да дергал головой.

– Ах ты, дурень с гребнем! – завопила хозяйка, когда клюв все ж сыскал ее палец.

Богатырь ловко перехватил петуха и кинул через костер. На той стороне огнища птица шмякнулась на землю.

– Не ушибся б хоть, – заволновалась бабка. Но тут же по смеху толпы поняла, что с петухом ничего не случилось. Оскорбленная бестолочь, высвободившаяся из пут, махала крылами, намереваясь и теперь улизнуть куда подальше. Сын старосты мигом ухватил неудачливого беглеца за хвост.

– Вот, спасибо тебе, Алесь! – бабка крепко держала горе-птицу. – Разумный у тебя сын вырос, Черета! Пусть даруют боги ему жену – красавицу да хозяйку ладную!

Как Милава ни старалась, но кузнецов так и не сумела отыскать. Видать, младшего староста снарядил-таки устранять промах. А старшой, поди, рыщет где-то... Точно в подтверждение догадки, откуда-то донесся протяжный волчий вой. Но никто, кроме ворожеи, в угаре праздника да азартной поимки петуха не обратил на него внимания.

– А-а-а! – внезапно закричали девицы. С их хорошеньких ликов, распущенных волос да льняных рубах медленно стекала грязь. Молодцы-виновники лишь хохотали, отставляя в сторону уже не потребное оружие – пустые ведра. Вот только не ожидали они, что кое-кто из красавиц-молодиц все ж успел подготовиться к такому повороту событий. Несколько светлых рубах мелькнуло в темноте, но, когда жертвы их заметили, оказалось слишком поздно. Хрупкие, но проворные ручки схватили ушаты, давеча наполненные жижей с ближней топи, и окатили удальцов с головы до ног.

– Ловко они вас! Куда там грязи липкой супротив трясинного смрада! – дети и старики хохотали так, что их животы чуть не трещали. Бравые молодцы нынче больше напоминали то ли багников, то ли болотников. Но они и не думали сдаваться так быстро. Трое уцелевших понеслись за границу света за новой порцией ведер с грязью. Вот только девицы скоро догадались о задуманном, а потому с визгом и криками понеслись к реке. Молодцы – за ними.

Милава решила, что стоит пойти следом да нашептать пару приговоров, дабы бабкино черное недовольство не добралась до молодежи. Ей не составляло особого труда оставаться

незамеченной – купальская ночь прятала под своим темным балдахином каждого, кто о том попросит: и доброго человека, и ведьмака, и влюбленных. Ведь не просто так на Большие дни детей по обыкновению рождалось больше, чем когда-либо.

Девушка хоть и не спешила, но поспела аккурат к самой потасовке. Шумная хохочущая гурьба из перепачканной молодежи отчаянно плескалась в воде. Молодицы хохотали и почти не сопротивлялись, когда крепкие руки прижимали их к не менее крепким телам, якобы чтобы вымыть. Мягчили губы под пылкими поцелуями... Но девушки меру знали, а потому, не дозволив ласкам зайти слишком далеко, выбрались на берег да затянули песню, опуская на серебристую гладь венки:

Ты не трожь меня, Вирник⁶,
Не хватай, Водяной.
Во власах-то просвирник
Запечен ворожкой.
Не тяни под водицу,
Не тащи в свой покой,
Иль купальской криницей
Разольюсь я, рекой.
Лучше пестрый кружочек,
Мой веночек-разноцвет,
Отнеси к бережочку,
Где встречается рассвет
На Купалье любимый,
Нареченный супруг.
Помоги, негубимый,
Подсоби мне, мой друг...

Пока пригожуня просили у водяных духов любви да счастья, молодцы перебрались вплавь на другой берег, где почти каждый успел словить по венку. Когда же они вернулись, девушки уже разбрелись на поиски папарать-цвета. Молодцы устремились за избранницами. Мало ль, оборонить от лиходея придется. Да что там лиходей! В такую ночь даже русалки из глубин выходят покачаться на деревьях да в полях-лесах сыскать себе жертву – кровушки теплой напиться.

* * *

Цвет бранился на чем свет стоит. Где это видано, чтобы накануне самого желанного веселья, в канун купальской ночи, глава деревни отправлял честного человека перековывать лошадей? А что, ежели тот не управится до вечера? Что ж тогда, заместо забав да сладких поцелуев с девками целую ночь коротать непонятно где? И с чего староста вообще взял, что это вина молодого мастера? Что, ежели торговец сам снял добротные подковы с коней да в сундуке схоронил, дабы в Рогачеве на звонкую монету выменять? Иль на саблю перелить. А сам на мастера жалобную послал, якобы все его кони по подкове потеряли. Он, этот торговец, Цвету сразу не понравился. Сам нездешний, глаза узкие, кожа смуглая, халат в пол, золотыми нитями расшитый. В очи не глядит, все по сторонам рыскает да выпрашивать любит: где, мол, кузнечьему делу учился, из доброй ли стали подковы льешь, где железо берешь?.. Сразу ж понятно – выгоду вынюхивает. Видать, не на честном слове и справном труде свое богатство нажил.

⁶ Вирник – дух быстрой воды: рек, ручьев.

Поди, не одну невинную душу обдурил. И как только староста поверил в небылицы этикие да навет злостный? В наказание батька даже самую захудалую кобылу взять не дозволил – тyani сам на каталке молот да прочие инструменты.

Молодой кузнец не просто медленно шел к месту, где с утра стал обоз, он еле плелся. И даже не из-за того, что устал или не желал помогать нечестивому торговцу. Если б парень был чуток духом тверже да сердцем чище, то сыскал бы силы признаться себе, что мастер он никудышный. Что без батьки ему до зари никак не сдюжить с целым обозом, и через сажени три, от силы пять, кони снова «разуются». Но самое главное, его нежелание идти наперед всего исходило от страха. Обоз-то стал не где-нибудь, а аккурат промеж Древним лесом да Смардной топью, обиталищем Багника⁷. А тут еще Купалье. Ведь всем ведомо, что в такую ночь самая бестолковая ведьмарка да самый последний нечистик утраивают свои силы. И хоть селяне издревле разбегаются по дубравам да борам, дабы натешиться иль папарать-цвет сыскать, но к Смардной топи да Древнему лесу не суются.

Но как ни тянул Цвет время, а до места добрался.

И все ж странный какой-то этот торговец. Нет чтобы в деревню вернуться до конца Купалья, так костры вокруг обоза разложил, точно специально всяких нечистиков призывает. Сам вон на подушках расписных ноги закрутил, очи сомкнул да какую-то дудку курит. Стражу выставил. Неужто этот пришлый мыслит, что десяток крепких воинов сумеют выстоять хотя бы супротив одного упыря иль какого иного мерзотника? Да ни один даже самый ладный меч с волшебной черной не сдюжит!

Когда нерадивый кузнец подошел вплотную к торговцу, тот продолжал неспешно выпускать струйки густого серого дыма. В стеклянном сосуде, к которому резная дудка крепилась мягкой трубкой, постоянно что-то булькало. Очей хозяин обоза так и не раскрыл. Цвет обиделся – ишь ты, никак не ниже князя себя мыслит.

– Ну, чего тут у вас стряслось? – спросил молодой кузнец.

Старшой помощник, тоже обряженный в длинный халат, но малость поплоче, согнувшись чуть ли не пополам, заговорил:

– О, свет-искусник! Как же мы рады тебе! Наконец ты исправишь этот досадный простой, и наш караван опять устремится по неотложным делам. Хвала небесам, драгоценный товар не пострадал!

– Ну, это... Вот и добре. Так какая кобыла потеряла подкову?

– А ты сюда иди, милейший, сюда, – приторная сладость в голосе говорившего понравилась молодому кузнецу, потешила гордость. Торговец совсем не так с ним изъяснялся. Цвет уже было решил, что не такие уж и противные эти чужеземцы. Но когда понял, сколько работы предстоит, ощутил, как к горлу подкатывает дурнота. Гонец, посланный торговцем, ничуть не приврал – каждая лошадь в обозе потеряла по подкове. И слетели как раз те, что отливал и ставил молодой мастер: на правое переднее копыто. Цвет густо покраснел, тихо радуясь, что никто из односельчан этого не ведает. Его и так частенько ругают, а тут вон первое задание – и не сдюжил. Торговец внезапно раскрыл веки и пристально поглядел на кузнеца. В узких глазах читался укор – и краска на лице молодого кузнеца проступила гуще.

– Ну, я это, что ль за работу примусь?

Помощник кивнул и, согнувшись еще ниже, задом отошел в сторону. Хозяин обоза вновь сомкнул очи.

Как и ожидал молодой кузнец, до вечера ему справиться не удалось. Вон уж и солнце закатилось. Торговец давно на боковой почивает. Старшой помощник пряную лепешку лопает. Охранители у костерка вином балуются, на кузнеца поглядывают, что-то на своей тарабарщине

⁷ Багник – дух, живущий в болоте, которое никогда не покрывается растительностью и имеет вид грязной и черной лужи. Он никогда не появляется над поверхностью болота и свое присутствие в нем выдает только пузырьками и мелкой рябью.

молвят да посмеиваются. А Цвету еще три коня подковать надобно. Эх, друзья-приятели никак уже с девками через огнище скачут, скоро венки станут ловить да по лесам с молодницами разбредутся, а он тут... Эх... Вот бы папаратъ-цвет сыскать! Уж тогда бы он зажил! Уж тогда бы он никак не меньше старосты сделался...

Вдруг недалеко раздался протяжный волчий вой. У края стойбища мелькнуло нечто огромное и снова нырнуло во тьму. Сердце Цвета дрогнуло. Стражники что-то закричали. Торговец резко сел, пытаясь вникнуть в происходящее еще мутным ото сна сознанием. Цвет же шарил настороженным взором по стойбищу. И сильно пожалел, когда отыскал-таки незваного гостя. Лишь невероятное усилие молодого кузнеца сдержало рвотный позыв – тело помощника безвольно сползло на землю по краю телеги... без головы! Рука все еще сжимала недоеденную лепешку. Гигантский рыжий волчара вдвое, а то и втрое крупнее обычного волка с громким хрустом разжевывал добычу...

Селяне всегда считали Цвета неповоротливым и нерасторопным, но нынче он со скоростью резвого скакуна и ловкостью кошки, не помня себя от страха, оказался на самой макушке ближайшей сосны. То ли от ужаса, то ли по глупости, но молодой кузнец так и не смог сомкнуть век. Он видел все...

Видел, как охранители скопом кинулись на лютого зверя, а затем один за одним полегли, не сумев противостоять стальным клыкам да мощным лапам.

Видел, как с невероятной быстротой и бесстрашием торговец выхватил саблю и сражался да как волколак дожирал его с особым вкусом.

Видел, как нечистик поднял запачканную в чужой крови морду и оскалился, точно усмехнулся, а затем исчез среди деревьев.

* * *

Трое подлетков остались без пары. Они не поймали венков, да и не созрели еще с девками папаратъ-цвет искать. Но не сетовали. Проводив взглядом молодцев, подлетки что-то горячо обсуждали. Милава не стремилась выяснять – навряд ли что страшнее, чем перелезть через двенадцать огородов, дабы сбылось сокровенное желание, – и побрела в деревню. Авось все ж удастся оградить и дом старосты от чар ведьмарки. Ворожея ступала неслышно, даже листочки от ночного ветра-тихушника шумели сильнее.

– Как ты хороша! – послышался чей-то восхищенный шепот слева.

Милава замерла, пригляделась – благо ель надежно ее скрывала: на полянке сидели двое.

– Да и ты мне сразу приглянулся, – негромко промурлыкала в ответ девица, теснее прижимаясь к парню.

– Дозволь примкнуть к твоим устам, – попросил молодец.

– Примкни, – тихонько хохотнула пригожуня.

– Точно мед липовый, – задыхаясь, произнес молодец и обвил руками тонкий стан светловолосой девицы.

– И мне такие ласки по сердцу.

На том разговор утонул в столах и всхлипах. Милава не хотела ни мешать, ни тем паче осуждать пару, оттого попятилась, дабы незамеченной обогнуть полюбовников стволов за пять. Но только сделала шаг назад, как ночную тишину прорезал девичий визг:

– Вот ты где!

– Ружа? – испуганно выдавил молодец.

– Да что ж это?! – даже в темноте Милава разглядела, как на девичьих щеках блеснули слезы.

– Ружа, я... я... – молодец в отчаянном поиске подмоги глянул на свою любовницу, но светловолосая краса лишь выпрямила спину, тонкую, как камышинка, – мол, не стану я ни под-

соблаять, ни выкручиваться. Ворожея не видела лика разлучницы, но готова была поклясться, что ее губы изогнулись в довольной ухмылке.

– Ты ж сватов к осени обещал заслать! А сам... тут!

– Ружа...

– Изменник! Будь ты проклят! И весь твой род!

Ружа бросилась прочь от поляны, где только что обнаружила неверность своего нареченного. Ее русые локоны, омытые лунным светом, мелькнули за кустами и растворились в ночи. Милава содрогнулась – слишком добре ведала, что такая угроза в купальскую ночь бесследно не проходит. Полюбовники молчали. Молодец встал и дрожащими руками расправил свою одежду.

– Ты куда это? – возмутилась девица. Ее голос показался знакомым, но ворожея решила, что негоже и дале подсматривать – и без того лишку увидела. Уже в чащобе до нее донеслись слова обиженной любовницы:

– Ты еще пожалеешь!

Милаве стало даже малость жаль молодца: что стоит в такую ночь какой-нибудь красе соблазнить непутевого парня? Но и оправдывать его не хотелось – что, ежели таких девиц на его жизненном пути повстречается целая вереница?

Над головой почудилось движение. Милава поглядела вверх. Едва касаясь верхушек сосен и елей, ночное небо рассекал десяток помел, оседланных ведьмарками. Видать, на Лысуху летят! Милава упала в травы, замерла, вдыхая пряный запах земли и надеясь, что ее не приметят.

Сердце бросилось вскачь, когда одна из наездниц подлетела прямо к тому месту, где под высоким папоротником схоронилась Милава. Донеслось шумное сопение – ведьмарка принялась хивалась.

«Обманись, птичье око, ошибись, звериный слух, отведись, ведьмачий нюх...» – молила про себя ворожея.

– Неужто почудилось? – летунья явно была сбита с толку. – Я же чуяла...

Милава продолжала молиться – и уже в следующий миг шум метлы стих. Она глянула в небо – на фоне круглой, словно колесо, луны мелькнуло несколько крохотных силуэтов. Какое-то время ворожея созерцала ночное светило и вдруг поняла, что совсем скоро зацветет папарт-цвет.

Папарт-цвет! Вот что способно помочь в ее противостоянии бабкиной силе! Вот что сумеет охранить всю деревню от черной мощи!

Надобно только сыскать дивное растение.

* * *

Папарт-цвет издревле ценился промеж людей дороже самых недостижимых богатств. Против него даже золото, из которого тянули нити на наряды князя, казалось конским волосом. Даже редчайшие самоцветы, что доставали из огненных недр северных гор, а после рядили огранкой и украшали тело самой княжны, представляли кучкой гальки. Да что там! Многие люди способны убить, чтоб завладеть чародейным цветком. Не диво – ведь нашедший папарт-цвет получает необыкновенную власть, власть подобную той, которой наделены боги. Ну кто порой не мечтает оказаться невидимым? Иль не желает понимать язык зверей, птиц да растений? Кто откажется от сокровищ, таящихся во чреве земли? Иль не помыслит обратить на себя взор возлюбленного?

Но не каждому дано сыскать папарт-цвет. Ежели живет в сердце хоть крупица недоброго помысла иль душу тяготит корысть, то необыкновенный цветок никогда не покажется на

глаза. Люди до сих пор помнят древнюю историю о том, как один человек решил добыть папаратъ-цвет.

Некогда в одной деревне жила девица, дочь кузнеца, Янина. С красотой ее лица могла поравняться разве что луна, а с цветом густых волос – лишь спелая пшеница. Стройности ее стана завидовали березы. Но боги не обидели пригожую и смекалкой. Однажды в ту деревню с торговым обозом приехал молодой пастушок Ян. Лишь завидев прелестницу, он тут же полюбил ее больше жизни. Янина ответила на пылкие чувства. Но когда молодые пришли в дом девицы за благословением, батька наотрез отказался отдавать дочь за чужака. Он прочил ей остаться в родных местах и выйти замуж за единственного сына мельника – наследника родительского ремесла и состояния. Куда уж там пришлому пустозвону равняться с нажитым и спрятанным в закромах первого человека на деревне!

Тогда Ян и Янина решили сбежать и найти счастье где-нибудь в ином местечке, пусть и без родительского дозволения. Батька прознал про то и запер дочь, а Яна высек до полусмерти. Когда же раны кое-как затянулись, Ян прокрался к заколоченному окошку и попытался вызвать любую. Но разве могут голые руки тягаться с железными решетками да пудовым замком на дверях?

Вот только и девица сдаваться не собиралась. Вспомнила она, что близится купальская ночь, и надоумила лю2бого сыскать папаратъ-цвет. Ян разумел, что такое чудо лицезреть не каждому дано, куда уж там завладеть. Но иного пути не было, и он направился в лес.

Тот разговор подслушал сын мельника, что давно пылал страстью к дочке кузнеца, и решил проследить за пастухом. Он ведал, что сам не сумеет разглядеть чудесное растение. Но ежели сопернику посчастливится завладеть волшебным цветком, то отнять его с помощью острого клинка не станет трудностью.

В преддверии назначенного часа, как водится, Ян оградил себя и папоротник очерченным на земле кругом. Он молил всех богов услышать зов его сердца и помочь. Помыслы молодого пастуха оказались чисты – папаратъ-цвет зацвел. Сжимая заветную находку, Ян спешил к лю2бой. Вот только запамятовал он, что папаратъ-цвет должно нести на порезанной ладони – только так никто не осилит отнять чародейное растение.

Лес поредел, до темницы Янины оставалось несколько десятков шагов. Но не суждено было пастуху увидеть свою лю2бую: острый нож вонзился в спину – и папаратъ-цвет перешел в руки сына мельника.

Много лет миновало с тех пор. Старость изъела жемчужные зубы, седина выбелила золотистые локоны, красота схоронилась под паутиной морщин, но Янина так и не вспомнила о Яне, останки коего давно сгнили в земле, совсем недалеко от батьковской хаты.

* * *

Мамка успела научить, где искать папаратъ-цвет – и Милава устремилась в самую чащобу, туда, куда не долетит отголосок крика самого громкого петуха. По пути она отыскала тоненькую рябинку, дивясь, как только та сумела вырасти, теснимая густыми пышными елями? Поди, благодаря невиданной силе воли, нежели жидким солнечным лучам, что изредка пропускали могучие кроны, покачивавшиеся на сильном ветру.

Милава поклонилась рябинке, коснувшись кончиками пальцев влажного мха, трижды обошла тоненький ствол, а затем зашептала:

– Ради доброго слова, ради светлого помысла помощи. Ради дитя малого, ради старика ветхого подсоби.

Девица сняла с плеч дорожный мешок и выудила тот самый нож, что добыл из ладони кровь в дар богам.

– Ради чести, ради совести помощи. Ради любви, ради счастья подсоби.

Ловким движением кисти Милава отсекла у рябинки веточку и тут же смазала надрез пахучей мазью. Целебное снадобье остановило сочащийся сок. Подул ветерок, и рябинка словно поклонилась в благодарность. Деревья зашелестели.

Ворожея ведала, что в такую пору они не только перешептываются, но еще и переходят с места на место. Вот Кукоба – та без труда бы уразумела, о чем толкуют ветви. На краткий миг мысль о наследовании черного дара показалась Милаве даже пленительной. Но она тут же убоялась ее и отогнала прочь – никак бабка искушает.

Идти далеко не пришлось, уже за неровной грядой исполинских елей обнаружили заросли папоротника. Лунный луч высветил куст в два человеческих роста, что величественно возвышался над прочими. «Он!» – смекнула ворожея и подошла ближе. Необычайно крепкое растение словно было сердцем леса. Девица прислушалась, но тишина вокруг лишь подтвердила, что подле никого нет. Рябиновой палкой ворожея замкнула себя да папоротниковый куст в круг, глянула на луну, убедившись, что цветение вот-вот начнется, и начала читать заговор:

– Цвети, цвети, папарать-цвет, луне на радость, земелюшке не в тягость. Цвети, цвети, папарать-цвет, луне на радость – мне на благодать.

Мать упреждала, что смельчака, решившегося добыть папарать-цвет, станут испытывать самые темные духи леса, но Милава была готова. Ее сердце и душа были чисты, как и помыслы. Видать, нечистики почуяли это, оттого и мешать не желали. Лунный луч обогнул верхушки деревьев, просочился сквозь еловые ветви, ударился о листья папоротника и рассыпался на миллионы переливающихся крупниц. И тут Милава углядела, как в самой середине растения зародилась крохотная почка. Она ширилась и тянулась вверх, все выше и выше, то колышась, то замирая. Потянулась к небу и снова остановилась. Вдруг задрожала, перевернулась, запрыгала. Стала набухать, покамест оболочка не натянулась и не лопнула с громким треском. Пред взором ворожеи предстал самый чудесный из всех цветов, что ей доводилось когда-либо лицезреть. Алые, точно зимний закат лепестки изгибались в нежный бутон и горели огнем так ярко, что глаза обливались слезами. Вились-переплетались золотистые нити-тычинки. Сорвать такое чудо под силу разве что самому духу леса, потому Милава просто протянула навстречу раскрытую ладонь. Цветок сам прыгнул в руку, будто ведал, зачем понадобился.

Ворожея низко поклонилась папоротнику, что даровал свое сокровище, и вышла за пределы круга. Вспомнив об оплошности пастуха Яна из древней легенды, она занесла нож над ладонью, и в этот самый миг громко хрустнула ветка. Милава обернулась, но лишь успела приметить немолодой тощий женский лик да блестящие зеленые очи, точно у кошки. Тяжелый камень опустился на затылок – и тело Милавы безвольной тряпичной куклой упало на землю. Разум очутился за чертой времени и пространства.

* * *

Наконец она его раздобыла! Наконец она получила возможность воздать по заслугам, по дерзким речам! Никому теперь не укрыться. Каждый! Каждый виновник предстанет пред ее гневом! Сами боги привели ее в дебри в назначенный час. Ну и пусть ворожея осталась лежать там, среди черных елей да могучих сосен. Сама виновата! К тому ж постояличиха сказывала, что она внучка Черной Кукобы... А впрочем, к утру оклемается. А темень, коли захочет, шептунами да травками исцелит.

Женщина снова украдкой поглядела в приоткрытую ладонь, где покоился папарать-цвет. Ей-то цветочек чародейный куда как нужнее. Она ведь темными силами не владеет, заговаривать не умеет. А поквитаться надобно!

Ай да диво – полыхает не хуже огня купальского! И как только такая мощь умещается в такой крохе?

Женщина радовалась и со всех ног спешила до хаты – поскорее схоронить находку, а там и в ход пустить, но вдруг ощутила, что что-то не так. На миг она прислушалась – лесную тишь разбивал только стук ее сердца, неожиданно сделавшийся слишком громким.

Что ж такое?

Женщина почуяла – наблюдают за ней. Она обернулась и чуть не грохнулась в обморок – два горящих желтых глаза глядело в упор.

Разум наказывал бежать прочь, но ужас точно намертво пригвоздил к земле.

В подтверждение страшной догадки из-за куста выплыл огромный рыжеватый волк. В приоткрытой пасти белели два ряда острых зубов, способных разорвать любую добычу на куски. Крепкие лапы, неспешно и неслышно переставляемые по мягкому мху, с легкостью обездвижили бы и взрослого лося.

Волколак!

Время словно загустело, облепило женщину плотным покрывалом, не давая двинуться, заставляя разглядывать гигантского зверя и осознавать всю его жуткую мощь.

Только не бежать! Только не бежать!

Зверь приближался.

Только не бежать!

Чудовищная пасть ощерилась, проронила угрожающий рык. Это стало для женщины последней каплей: ужас кнутом стеганул по спине – и ноги с небывалой скоростью понесли к деревне.

Только бы поспеть! Только бы не догнал!

Женщина петляла подобно зайцу. На своей памяти она никогда еще не бегала так быстро.

Такой огромный! Не может быть волк такого размера. Да и этот цвет шерсти... Волколак! Точно волколак!

Женщина, не чувствуя ни усталости, ни возраста, ведомая лишь ужасом, бежала и бежала, на зависть юнцам, на зависть подлеткам. И, хвала богам, умудрилась-таки добраться до крайних хат. Тут она резко лишилась сил и упала в траву. Сердце колотилось, отдаваясь в висках. В горле пересохло. Женщина с трудом оглянулась и поняла – волколак остался там, в лесу. По щекам побежали слезы.

Хвала богам, она осталась невредима! Хвала богам!

Вот только разжатая ладонь оказалась пуста.

* * *

Волколак так и не сумел утолить голод, что устроился в купальскую ночь, даже поздней сытной вечерей. Немолодая женщина пришлась бы к стати (хоть и суховата), но внезапно учуянный аромат приневолит стремглав нестись прочь, поджав рыжеватый хвост.

Тень в человеческий рост скользнула подле мохнатой шкуры. Ни один лунный луч так и не сумел ее коснуться, словно сами боги наделили даром обходить стороной любой поток света. Тень на мгновение замерла, узрев что-то в густой траве, затем наклонилась и подняла папарат-цвет. Он сиял ярче яхонта на солнце. Тонкие пальцы нежно погладили волшебные лепестки и спрятали в сумку.

Глава 3. Лихо, ведьмарка иль нечистики?

– Проснись, милая. Проснись... – позвал женский голос.

Милага с необычайным усилием открыла глаза, но яркий свет тут же заставил их сомкнуться. Под веками собрались слезы.

– Давай, родная, – просил нежный голос, вдруг почудившийся смутно знакомым.

Милага попробовала снова, на этот раз не зажмурилась, а быстро заморгала – это помогло малость попривыкнуть к болезненно хлещущим лучам. Но силуэт, стоящий против света, разглядеть никак не удавалось.

– Вот и умница-разумница.

Ворожее это что-то напомнило. Что-то из далекого минувшего. Она села и попыталась разглядеть силуэт, но свет не позволил.

– Кто ты?

– Нынче посланник воли богов, а прежде...

– Мама?! – изумилась девица.

– Так, я.

Милага не видела, но готова была поклясться даже седовласой Паляндрой: на родном лице, четкость которого в памяти несколько истерлась, заиграла улыбка.

– Но как это возможно?

– Нет часу объяснять. Неведомо, сумеем ли свидеться еще раз до того, как ты войдешь в Навье-княжество, потому запоминай.

Милага изо всех сил вслушивалась в слова матери, стараясь уловить суть, не отвлекаясь на родной, любимый голос. Вот только все мысли сводились к одному – хоть на краткий миг увидеть любимое лицо. Разум точно раздвоился: одна его часть внимала каждой фразе, другая – старалась насладиться каждой ноткой так давно не слышимого голоса.

– Тебе суждено столкнуться с трудностями, кои и волот⁸ не сумел бы вынести. Но ты справишься, милая, ты справишься. Только верь в себя. И помни – ты много сильнее, чем мыслишь...

– Ой, мамка, – спохватилась Милага, – как мне бабкиного дара избежать?!

– Не беги от него. Иди к нему.

– Как? – не поверила своим ушам ворожея – не могла мамка такого совета дать. Неужто это Кукоба волшебу навела, дочкой прикинулась, голос подделала да решила Милагу сподобить черные умения перенять?

– Да нет же, Милавонька, умница-разумница моя. Я это. Мамка твоя. Слушай сердце свое – оно не обманет. Слушай душу – она подскажет.

Милавонька... Только мамка так звала ее.

Умница-разумница... Только мамка так говорила.

– Не надобно страшиться этого дара. Только ты сумеешь сдюжить с его чернотой. Только ты в силах обратить Кукобину мощь во благо. Поначалу будет тяжело. Захочется познать ее глубину, испытать. Но ты справишься. А со временем научишься использовать ту часть силы, что способна спасти жизнь иль даровать здоровье.

– Я не смогу, – ужаснулась такому грядущему Милага. – Я ж и трети не ведаю да не умею из того, что могла ты.

– Самое главное – это твое доброе сердце и светлая душа. А знания и умения – они придут. Верь в себя. Ты научишься, научишься...

⁸ Волот – мифологическая сущность необычайной силы и такого роста, что обычные люди им бы даже до коленей не достали.

Голос становился все тише и тише, претворился в отзвуки, а затем и вовсе исчез.

Милага с сожалением и удивлением обнаружила себя лежащей на сырой земле. Сон? Даже сомкнутые веки не помешали понять, что слепящий свет исчез. Некоторое время ворожея, точно малое дитя, упрямо не двигалась, глупо надеясь, что мать воротится и заберет ее с собой. Иль хотя бы дозволит еще хоть малость поговорить с собой. Но желанного так и не случилось. То ли сон, то ли наваждение зыбким песком исчезало в прошлом – не поймать, не удержать.

Ворожея глубоко вздохнула и тут же ощутила всю свежесть ночного воздуха. Вставать совсем не хотелось, но долг пред людом оказался сильнее. Она раскрыла веки. Черные стволы сосен и елей в бледном лунном свете убегали в мрачную вышину.

Девушка села. Слишком резко – боль стрелой пронеслась от затылка к копчику. Перед очами все поплыло. Желудок скрутило, его содержимое рвалось наружу. Милага медленно и глубоко задышала, когда же дурнота откатилась, нащупала на затылке кровяную корку, под которой обнаружилась запекшаяся рана. Ворожея попыталась припомнить, как оказалась здесь, на траве. Ноющая голова поначалу отказывалась в том помогать, но после выдала последние воспоминания: дивное цветение папурь-цвета, суховатое женское лицо с зелеными глазами и болезненный удар. Милага подтянула к очам ладонь, хотя уже знала, что там сыщется – пустоту. Папурь-цвет исчез. Подле бедра на земле она сыскала ритуальный нож.

«Даю тебе остаток дня да ночь на размышления...» – пронеслось в раскалывающейся голове.

Как же теперь противостоят Кукобе?!

Тревога удавкой обхватила шею.

Надобно спешить! Папурь-цвет нынче вряд ли сыскать доведется. А вот заговорить да окропить оставшиеся хаты можно успеть.

Милага вскочила и тут же пожалела о том: тело покачнулось, перед глазами в вихре замелькали искры, к горлу снова подкатилась дурнота. Пожалуй, так она не много сумеет сделать. Надо ж, камнем-то от души огрели. Хорошо хоть, жива осталась. И кому только этот папурь-цвет за такой надобностью стал? Милага опустилась на траву. Какое противостояние? Тут бы на ногах удержаться. Чуток отдышавшись, ворожея раскрыла заплечный мешок и достала глиняный, чудом уцелевший после падения сосудик с целебной мазью, что остановила сок у рябины. Зачерпнула пальцем остатки и нанесла на рану – живительные силы потекли по всему телу. Дурнота сошла, будто желудок и не пытался вывернуться наизнанку. Болезненная пульсация отступила. Вот и добре. Теперича можно и в деревню податься.

Подобрав нож да схоронив его и горшочек на дне котомки, Милага снова поднялась на ноги. Потихоньку. Но от бывшего недомогания не осталось и следа. Когда заплечник лег на спину, а руки стряхнули землю с сарафана, ноги торопливо понесли девушку к той части деревни, что покамест стояла голяком – без ритуального ограждения. Ворожея припомнила, что так и не успела очертить дом старосты от бабкиной силы, и эта мысль точно кнут подстегнула пойти быстрее.

Уже заблестели слюдовые оконца ближних хат. Милага прикинула, что через десятка три-четыре шагов она сумеет защитить оставшиеся дворы от черной силы хоть на какое-то время. Где-то в памяти шевельнулось напутствие мамки, но ворожея, вздохнув, точно в предвкушении неизбежного, его отогнала. Все ж таки, лишними заговоры не станут, оберегут селян, ежели чего.

Милага уловила какой-то шелест и глянула влево. Там шевелился и слегка поблескивал в бледноватом свете луны огромный клубок. Ворожея пригляделась. Змеи! Гады вились, тиснулись друг к другу. Неужто и змеинный царь своих подданных на любовь благословил? По ноге что-то скользнуло – Милага опустила голову, терпеливо дожидаясь, когда змейка покинет

лапоть, а затем возобновила путь. Но и через десять, и через тридцать шагов она не раз углядывала в траве толстую серебристую веревку, неслышно ползущую к клубку.

Черная Кукоба хоть и дала слово этой ночью не вредить селянам, однако и Милаве подсоблять не собиралась: словно повинувшись чьему-то дурному науськиванию, в земле шевельнулась коряга и ловко юркнула под каверзни. Ворожея слишком поздно почуяла неладное – подвернула ногу и осела. Из глаз помимо воли брызнули слезы.

Да что ж такое!

Милава терла щиколотку и шептала, но боль не проходила. Наоборот, становилось только хуже. Ногу раздувало слишком быстро. В последней надежде она достала заветный горшочек, но тот оказался почти пуст. Как девица ни терла по его стенкам и дну, мази, чтоб вылечить большую ногу, не хватило – лишь припухлость сошла.

Но так просто ворожея сдаваться не привыкла. И пусть сталкиваться с черными наговорами ей прежде не доводилось, все ж таки каждое дело она привыкла доводить до конца. Вот и теперича не отступится! Как бы тяжело ни было, а оставшиеся хижинки она все равно заговорит! И никакая ведьмарка ей в том не помеха! Такие помыслы даже боль заслонили. Стиснув зубы, Милава встала и поковыляла к деревне.

Остаться неприметной оказалось сложно – нога уже не просто болела, а горела, точно объятая пламенем. Когда впереди замаячил оставшийся незаговоренным двор, двор старосты, ворожея призвала на подмогу последние силы. Сильно хромая, она приблизилась к хате, то и дело ожидая, что вот-вот из-за добротной двери покажется Услава и погонит ее прочь. Но то ли дочь Череды уже крепко спала, то ли все ж таки присоединилась к селянам – дубовую охранительницу так никто и не потревожил. Затворив обережную черту, Милава решила снова податься в лес. Боль возвратилась и усилилась, стремясь выкинуть из реальности, заливала очи багрянцем...

Ворожея заковыляла к лесу, но уже через мгновение поняла – ей не осилить тех крох пути, что оставались до первых деревьев. С трудом, не позволяя сознанию упокоиться в благодатном забытии, огляделась. Подле стояла чья-то покосившаяся изба, а чуток поодаль – такой же хилый хлев. Забор – та его часть, что смогла разглядеть в потемках Милава, – и вовсе напоминал челюсти старца: то здесь, то там гниловатая жердь, а то и вовсе щербина. Обычно такие дворы имеют не самые добрые хозяева либо те, кому дурманские напитки куда слаще кваса да хлеба.

Как можно меньше опираясь на больную ногу, ворожея запрыгала к хлеву. Дай Дажьбог, хозяева до утра ее не приметят. А там, малость передохнув, она сама уйдет. Сил хватило лишь на то, чтобы добраться до несвежего сена и там потерять сознание.

* * *

Купальская ночь самая загадочная, самая желанная. Она дарует страждущим силы да здоровье, помогает сыскать да проверить на прочность любовь и даже заглянуть в грядущее. И даже на исходе преподносит сюрпризы – уговорится с днем и подарит дивное зрелище. Потому каждый и жаждет узреть зарю. Ведь только в это утро солнце играет так, как никогда больше в году!

Молодые селяне, утомившись от ночных гуляний и забав, уже устроились на берегу реки, ожидая восхода на воде. В преддверии невероятного зрелища красавица-молодица затянула песню, которую тут же подхватили все:

Как на Купалье, как на Купалье рано солнце вставало,
Рано солнце вставало, так пригоже играло.
На добрый хлебец,

На богатый ларец.
Как на Купалье, как на Купалье ярко солнце играло,
Ярко солнце играло, красой всех забавляло.
На снежную зиму,
На раннюю весну...

Купалье не обмануло надежд. Десятки сердец забились разом, души слились в восхищении. Великое око небес – само солнце выкатилось из Навья. Словно устав от одиночества, оно разделилось на части. Вода усилила удивительное зрелище, добавив и без того сияющим частицам еще больше блеска. Как не поверить, что это рисуют сами боги? Ни один человек не выдерживал такого запредельного великолепия, оттого любовался им лишь сквозь прикрытые веки из-под приложенной ко лбу ладони. Солнце переливалось самыми разными цветами. Вот разошелся медно-рыжим внешний круг, чтобы выпустить охровое кольцо поменьше. Затем настал черед красоваться изумрудному. На его смену пришли голубой и бирюзовый. Грядущей густой синевы сменила пурпурная кайма, а после – вихри агата. Части сходились воедино и снова распадались. Но великому солнцу не по чину слишком долго предаваться беспечности, оттого, немного позабавившись да натешившись на радость людям, оно сложилось воедино и в своем привычном величии, покинув воду, поднялось на небосклон.

Молодцы подождли колесо и пустили плыть по реке. Тем часом девицы рассыпали цветы всех мастей и красок. Купалье подходило к концу. Вот только молоденькая ворожея того не ведала.

Милава продиралась сквозь лес, темный, дремучий. Казалось, что даже воздух в нем можно черпать ложкой – таким густым и затхлым он казался. Странно, но обычно даже самые древние деревья очищают его – и дышать становится легче. Тут же совсем другое дело. Ворожея протискивалась меж тесно растущими елями, осторожно отводя в стороны увесистые колючие лапы. Она не ведала, куда направляется, но внутри сидела твердая уверенность, что от ее прибытия зависит чья-то жизнь или даже несколько. Шла Милава долго, ощущая, что с каждым шагом ей становится труднее и ступать, и дышать, словно кто-то невидимый потихоньку высасывал из нее жизненные соки. А может, сам лес? Ноги будто погрязли в свинцовой жиже, а на плечи словно навалился пудовый валун. Девица поняла, что еще малость – и незримый нечистик опустошит ее полностью. Вот уже замаячил странный женский силуэт в черном балахоне. Милава толком не могла его разглядеть, но по спине заструился холодный пот.

Только бы не обернулась, только бы не обернулась... Иначе Милава погибла...

Ноги вязли все глубже, тело под невидимым грузом все ниже склонялось к земле...

Но вдруг сквозь густой воздух заструилось чудесное пение. В нем не жили слова, не существовали фразы. Это была даже не совсем песня, а лишь прекрасная мелодия, передаваемая ничуть не менее прекрасным женским голосом. Девица задохнулась от восхищения. Этот голос она узнает из тысячи тысяч даже спустя столько лет... Мама! Пение лилось и струилось. Стопы ступали все легче, спина распрямлялась, а страшный силуэт размывался. Голос не смолкал. Низкие и высокие звуки, тона и полутона сменяли друг друга так искусно, словно сплелись в волшебное полотно. Впереди замелькал солнечный свет. Силы возвращались. Наконец Милава сумела протиснуться меж последних грузных лап и вышла на опушку. Сердце затрепетало от радости. Эта была их с мамкой опушка!

Крохотный домик у самой кромки болота ничуть не изменился – сложенный из ладных крепких бревен, он, казалось, способен перестоять само время. Мама присела на корточки возле верного друга и защитника – волкодава Бутава.

– Мамка! – позвала Милава. Женщина обернулась – на ее лице заиграла улыбка. Она поманила дочь. Ворожея, ощущая себя трехлетней девчушкой, кинулась в распростертые объятия, но добежать не успела – опередил пес. Быстро, но бережно он повалил молодую хозяйку

на спину и принялся по-собачьи целовать. Огромный шершавый язык каждый раз находил кусочек лица, несмотря на шутовское сопротивление и отчаянный хохот. Неожиданно Милава отчетливо поняла: что-то не так. Бутав отстранился – и ворожея с ужасом увидела, как хвостатый друг меняется, рыжеет, приобретает очертания волка. Хищная пасть скалится, промеж огромных клыков протискивается язык, касается лица. Но это уже не радостное приветствие. Так пробует свою добычу хищник!

– Не-е-ет! – яростно забилась Милава и разомкнула очи, однако продолжала кричать, несмотря на рассеявшийся дурной сон: – Не-е-т!

С невероятным проворством ворожея откатилась в сторону и обернулась. Вместо желтых глаз гигантского волколака на нее глядели два бурых ока в обрамлении длинных загибающихся ресниц.

– Му-у-у! – ответила черная буренка и отворотилась от странной девицы. Ежели б ворожея переняла дар Кукобы, то без труда бы прочла мысли рогатой красавицы, что куда лучше пожевать прошлогоднее сено, нежели будить от кошмаров неблагоприятных гостей.

Милава опустила плечи и расслабилась. Фух-х. Сон. Дурной сон. Хотя куда тут до добрых видений? Девица огляделась. Маленький хлев совсем небогатого двора, в котором из скотины только коровка да свинка (о коей ворожея догадалась по доносившемуся довольному похрюкиванию), весь изрешетили иголки от ведьмарок да колдунов. Над входом висела дохлая сорока, а на крохотном окошке, не затянутом даже бычьим пузырем, встречала рассвет чуть подвядшая крапива. «Не столько от веры, сколько от страха. И видать, от страха пред Черной Кукобой», – безрадостно предположила Милава.

Заныла щиколотка, напомнив о неудачной ночной прогулке. Милава осторожно вытянула ногу, размотала лапоть. Хвала Дажьбогу, тех крох целебной мази хватило, чтобы опухоль спала. И разрывающей боли, способной снова повергнуть в забытье, уже не ощущалось. Так, нытье да покалывание. Девица обулась и встала. Попробовала пройти, но быстро поняла, что полностью нога не исцелилась. Хромота также никуда не делась. Пока щиколотка не натружена, Милава сумеет почти не ковылять. Но вот как долго?

– Поглядим-поглядим, что тут у нас... Вот лепота! Даже старая Белушка яйцо снесла! – донеслось с улицы. Никак хозяйка направлялась в хлев. Ворожея замерла. – Ай да Хохлатый! Добре курей потоптал! Надобно Алесья отблагодарить. И самое лучшее – яйцами! У них, конечно, скотный дворик всем селянам в пример да на загляденье. Но таких яиц и там не сыщется!

Хозяйка приближалась. Сейчас дверь отопрет! Милава огляделась. В углу покоилась небольшая горка сена. Как раз хватит, чтоб схорониться. Ворожея кинулась к нему, но больная нога подвела – и она поковыляла слишком медленно. В этот миг дверь в хлев распахнулась. Внутри вошла та самая пожилая женщина, что ночью пыталась перекинуть через священный купальский огонь петуха. Она оставила у порога большую плетеную корзину, полную собранных яиц и подошла к буренке. Милава не шевелилась – авось острота зрения у хозяйки уже не та. Сердце выстукивало как умалишенное.

– А-а-а! – завизжала на всю округу женщина, словно подраненный кабан. Милава даже подивилась – откуда силы в столь сухоньком теле на такой пронзительный звук.

– Погодьте, не шумите. Я сейчас все... – попыталась утихомирить хозяйку ворожея. Впусти.

– А-а-а! – пуше прежнего заорала пожилая женщина.

Милава сделала шаг ей навстречу, приставив к губам указательный палец. Но та, выпучив очи, попятилась:

– Ведьмарка! А-а-а! Не подходи! – хозяйка краем глаза глянула на молочную кормилицу, точно пыталась удостовериться, что та в добром здравии, без приметных отметин заморозки.

– Я не ведьмарка... – запротестовала Милава. Она видела, что женщина больше всего на свете сейчас желала унести прочь. Но коровка, свинка да целая корзина яиц удерживали на месте. Но, как ведомо, лучшая защита – нападение:

– Знаем мы таких «неведьмарок»! Да где это видано, чтобы добрая девица без спросу ночь проводила в чужом хлеву да лик поутру не мыла?

Лик поутру не мыла? Милава провела рукой по щекам и нащупала остатки грязи, кою втирала, дабы волколак не пошел следом.

– Ты не думай, я тебе так просто животину не отдам! Вон отсюда! – заорала хозяйка и трясущейся рукой полезла за пазуху. Никак за оберегом от нечистиков потянулась. Точно! Морщинистая ладонь, вцепившись в талисман-змеевик, выставила его словно щит. Девица горько усмехнулась и направилась к выходу. Женщина отпрыгнула в сторону, только чтобы «ведьмарка» ее не зацепила. – Вон!

Не успела Милава толком переступить порог хлева, как хозяйка выскочила следом, плотно притворив дверь тяжелым чурбаном да вилами. А сама, пряча за спиной корзину с яйцами (как пить дать, страшась, что девица их сглазит), выставила перед собой серп – когда только успела им талисман заменить?

– Давай-давай! Кыш отсюда! И не помышляй возвращаться. Я все старосте скажу, а он людям поведает. Хватит с нас одной Кукобы. Ты еще тут шастаешь!

Ворожея сдалась. Она догадывалась, что будет непросто, мамка с детства ее готовила к тому, что люди не привыкли слушать свои сердца, для них куда вернее очи да уши. Глубоко вздохнув, Милава решила податься к реке, прежде чем пойти к Кукобе. Умыться надобно да поразмыслить хорошенько. Село она оградила, стало быть, час есть. Ворожея оглянулась – пятки пожилой женщины уже сверкали в направлении дома старосты. Надо ж, а подлатать забор – сил нет.

* * *

– Черета! Алесь! Услава! – еще издалече заорала женщина.

– Чего тебе, Доморадовна? – сладко зевнул и потянулся во весь немалый рост староста. Одетый, он уже был на ногах, готовый решать самые трудные вопросы да ставить пред неуме-хами толковые задачи. Правда, коли б не чин, то он предпочел бы еще чуток поспать. Купаль-ская ночь силы не хуже горячей бабы, с коей и трава – пуховая перина, отнимает.

– Черета! – задыхалась гостя.

– Да ты дух переведи. В твои ли годы точно дитя бегать? – спустился с крыльца староста, но напуганный лик женщины его насторожил. – Случилось чего?

– Так неспроста ж пыль поднимаю! Фух.

– Давай тогда, сказывай, – взволновался староста.

– Значится так. Проснулась я сегодня от звонкого петушиного крика. Помогло купаль-ское огнище! Хвала богам! Хохлатый мой первым на деревне запел!

– И потому ты сюда бегом от самой хаты летела? Да еще с корзиной, – брови Череды поползли вверх.

– Да нет же! Не перебивай. Фух. И так тяжело. Значится так, я к курам, а там яиц видимо-невидимо! Даже самая старая яичко снесла. Вот твоему Алесю принесла: кабы не он, так кле-вался бы Хохлатый и дальше.

– О, добрые яйца, благодарствую, – сунул нос в корзину Черета.

Соседка засветилась пуще купальского полымя.

– Зашла в хлев, а там ведьмарка топчется, на скотину мою ворожбу наводит. Чую, не видать мне боле молока от Сивушки, – вздохнула Доморадовна.

– Кукоба, что ль, на ноги поднялась? – с сомнением в голосе уточнил староста.

– Да нет же. То молодуха совсем. Весен семнадцать, не боле. Снует по хлеву, а у самой волосы темные, очи черные, а на лице грязь, никак всю ночь с лесуном в траве каталась.

– Ну, мыслю, не только она сегодня в траве каталась, – рассмеялся Черета, догадавшись, о ком речь идет. – Полсела девок до хат, самая малость, с пятнами на рубашках вернулись. И навряд ли они с лесунами обнимались.

– А она еще ковыляла! – ехидно заметила Доморадовна.

– Ну и что с того-то? Поди, молодец прижал чуток посильнее иль за ступню ухватил, когда та в прятки играть надумала.

– Ох, зря ты, Черета, смеешься, – пожурила бабуся. – Не первый день на свете живу. Обычную девку от ведьмарки завсегда различить сумею.

– Вот именно: не первый день живешь, а напраслину зачем-то на девицу наводишь, – тоже посерьезнел староста. Уж ему-то эти рассказы да сплетни давно поперек горла стали. Этих баб – что старых, что молодых – хлебом не корми, дай о ком-нибудь посудачить. А затем слухи да дурные наветы рождаются. Честным людям жить мешают.

– А ты никак знаком с ней, с ведьмаркой этой? – сощурилась Доморадовна.

– Знаком не знаком, а толковать приходилось. И ведьмаркой ее звать перестань. Не дело это – напраслину наводить. Девица она хоть и пришлая, а все ж кровей здешних.

– И кому ж это она сродницей приходится? Уж не тебе ли?

– Не мне.

– Иль сыну своему сватаешь? – хихикнула Доморадовна, так и вперившись взглядом в очи старосты.

«Небось с моего двора кинется по всем приятельницам весть разносить», – решил Черета.

– Нет, – как ни хотелось старосте признаваться в том, чья именно Милава родственница, а все ж придется. Эту правду и так скоро все узнают, а вот сплетни о том, что пришлая девица – невеста Алеся, ему совсем без надобности. – Девица эта – внучка Кукобы.

– Черной? – округлила очи бабуся.

– У нас на деревне только одна Кукоба. Тому и Черной ее смысла кликать нет, – рассердился староста.

– Ой, а то тебе неведомо, что она с нечистиками братается, – скривилась Доморадовна. – Сколько помню, ты все ее зачем-то обороняешь.

– Мне по сердцу, чтоб каждый делом своим занимался, а не в чужой огород нос совал! – чуток громче, чем надобно, заявил староста, надеясь, что это отпугнет любопытную соседку от дальнейших догадок. Что ж будет, когда она усядется с подружками на скамейке семки лузгать? Никакого сладу с этими бабами!

– Ай-ай! Только вот память, как я погляжу, у тебя короткая!

– В толк не возьму, об чем это ты?

– Так, короткая! А то бы живенько нарисовала тебе, как ночью к купальскому костру черная кошка прибежала, а ей каменюкой лапу перебили. Не догадываешься, кто ж ею оборачивался? – с победоносным видом подвела разговор в нужное русло Доморадовна.

– Шла б ты по своим делам, а не ерундой маялась! – прикрикнул староста.

– Я-то пойду. Мне чего там, старой. Я жизнь прожила. Это тебе придется разгрести то, что она тут еще наворотит, – обиделась соседка. – Раньше с одной сдюжить не могли, теперича их две стало. Помяни мое слово, Черета, с этой девкой к нам само лихо пришло!

Доморадовна, напустив на лик побольше обиды, зашагала прочь. Черета провожал ее взглядом, думая, что иногда только так и надобно с этими бабами, дабы злые языки прикусили. Вот только почему-то напоминание о черной кошке с перебитой лапой и намек, что ею оборачивалась Милава, цеплючим репейником засели в голове.

* * *

Милава как могла спешила к реке, то и дело поглядывая на дворы. По главной улице она идти не решилась. В таком виде лучше держаться подальше от пытливых очей да скорых на суд разумов. Ну да ничего. Осталось чуток потерпеть. Ворожея твердо решила после того, как выкупается, вернется к Кукобе и по материнскому наказу переймет страшный дар. Авось и правда хватит сил удержать черную мощь в себе. Так и бабка поскорее обручится с Паляндрой да селяне очутятся в безопасности. Ну а оставаться тут Милава с самого начала не помышляла. И как только проводит Кукобу в Навье, так сразу и направится к себе, в маленькую хатку у топи, где еще совсем недавно была так счастлива. А там, вдалеке от люда, станет потихоньку обучаться использовать черные силы во благо.

Вдруг пред очами замаячили воспоминания, в коих рыжий мужик бьется в конвульсиях, преображаясь в огромного волколака. «С ним-то как быть?» – точно лучина, зажегся в голове вопрос.

А чего тут думать? Сходит она к кузнецу, прояснит все да поможет ему больше в зверя лютого не оборачиваться. Хотя с чего он лютый? По деревне ни одного слушка не пробежало, что скот иль люди пропадают. Видать, сам страдает. Какой-то ведьмарь иль ведьмарка наложили на беднягу заклятье в ответ на обиду. Небось кузнец отказался ступу чинить иль посмеялся не к месту. Ничего, Милава сдюжит – этому мамка учила.

От таких мыслей в голове прояснилось, а на сердце стало легко. Милава огляделась. Эх, а какой день-то выдался! Небо бирюзовое! Солнце будто чистой охрой раскрасили! Деревья изумрудной листвой в ярких бликах красуются. А трава-то! Ах!..

А это еще что такое? Милава сдвинула брови и пригляделась к странным следам на песочной тропе, что тянулась вдоль боковых хат, но поодаль, словно к лесу теснилась. Тропу недаром Ласкавной кликали: именно ею пользовались молодые, дабы в лес сбежать да там миловаться. Толстая полоса, точно от колеса, уходила зигзагом то влево, то вправо. Но разве бывают колеса такой ширины? Конечно, девица почти всю свою жизнь прожила далече от людей и о всяких хитроумных новшествах не ведала. Но по этой дороге караваны да обозы точно не ходили. И даже распряженные лошади. Хотя тут от копыт следов-то и нет. Словно кто-то напился до нечистиков в глазах да катил толстенное колесо сам. Но следов от ног также не видать... Да и колесо будто местами прыгало-скакало...

И все ж такие следы что-то напоминали.

Точно! Змеи так ползают. Но это ж какого размера змей тут прошел? Никак сам цмок⁹ на Ласкавне девицу караулил. Милава улыбнулась своим домыслам. Никак тяжкая ночь подействовала. Глупости какие-то в голову лезут.

Видать, все ж от колеса след...

Ласкавна свернула влево и вывела ворожею к лесу. Нога снова заныла. Милава глянула на лодыжку, но значительной припухлости не углядела. Надобно еще мази заготовить. Как раз мешок полон трав целебных, тем паче на Купалье собранных.

Ворожея углубилась в лес. Она прикинула, что как раз должна выйти к реке, но подальше от деревни. И там навряд ли кто-то ее приметит. Купальская ночь закончилась, девицы да молодцы, истомленные игрищами да весельем, по хатам разбрелись. Видать, даже самые охочие до ласк, такие как Алесь, уже на лавке почивают. При воспоминании о насильнике Милава ощутила растущее внутри негодование. И за какие только грехи боги старосте, доброму человеку, такой послед послали? Все ж с Востой поговорить надобно. Хоть дядька Черета и обещал, но мало ль.

⁹ Цмок – дракон.

* * *

– Эй, сын, подымайся! Пора за дело браться, коль скоро тебе мой пост наследовать! – прогремел на всю хату голос усмехнувшегося в усы старосты. Мужик, конечно, ведал, что сын вовсе не стремится перенять место старосты. Но разумных и дальновидных людей на селе по пальцам перечесть, а преемника подобрать надобно. Наверняка Алесь, толком не успеет разлепить очи, как уста попытаются охладить пыл батьки: мол, ты же ведаешь, нет у меня охоты люд направлять. Но и Черета уже ответ заготовил.

– Что-то молчит наш соколик, – откликнулась Услава, души не чаявшая в брате. Она только-только вошла со двора, торопливо опустила на деревянный пол тяжелые ведра с водой. – Поди устал от прыжков высоких да забав.

Но ответа от Алеся родичи так и не дождались.

– Поди еще до лавки не дополз. Видать, не нагулялся с девицами за ночь, – засмеялся Черета.

– Сейчас гляну, – пообещала Услава и отдернула занавес, что отгораживал закуток у печи. Именно там любил почивать Алесь, когда поздно с гулянок возвращался.

– Эй, братец! – позвала сестрица, но огромный бугор под покрывалом и не думал шевелиться. – Алесь, вставай! – скомандовала Услава и стала трясти внушительное тело что есть мочи. Однако богатырь даже не заворочался.

– Дай-ка я попробую! – Черета сдернул покрывало с сына и сам не услышал, как ахнул разом с дочкой.

– Что это с ним? – обеспокоенно спросила Услава, но староста только плечами пожал.

Весь лик и остальные участки голого тела Алеся покрывали язвы и гнойные нарывы.

– Он живой? – насторожился староста.

Услава кинулась к брату и хотела его затрясти. Но отец предугадал ее порыв и поспел ухватить за руку.

– Погодь, а вдруг это заразно? – затем пригляделся и с облегчением выдохнул: – Дышит!

– Но он же... его... кто... Да это та мерзкая ведьмарка сотворила! – уверенно заявила Услава.

– Кто? – переспросил староста.

– Кто-кто. Девка эта, внучка Черной Кукобы!

– Что? – не понял староста. Голос Уславы доносился до него словно издалече, прорываясь сквозь страшные предположения о том, что за зараза напала на сына. На деревне никого больного такой хворобой отродясь не водилось. Да и все торговцы на памяти мужика кожными хворями не мучились. К тому ж располагались они на ночлег у постояличихи. Коли чего, так она первой бы заразилась. Сторонние слова дочки путались в жутких догадках точно в паутине, не доходя до сознания старосты.

– Я ж толкую тебе: внучка Кукобы! – стала злиться Услава.

– Погодь, с чего это ты взяла? Чего попусту наговариваешь?

– А вот и не попусту, – обиделась Услава. – Она вчерась, как стемнело, ошивалась подле нашего двора. Шептала что-то да дрянью какой-то брызгать собиралась. Да я ее остановила. Но, видать, она все ж таки вернулась да черный свой заговор до ума довела.

Староста молчал. Вот уже второй раз люди свидетельствуют, что без Милавы тут не обошлось. Да, все ниточки к ней тянутся. Бабка – ведьмарка, кошка эта с лапой перебитой, теперича вот Алесь. Но рано, рано делать выводы. Его оттого старостой избрали, что умел Черета во всем разобраться да пелену горячности вовремя с очей скинуть.

– Услава, беги-ка ты к Рафалу. Авось он сумеет изгнать эту хворь да приведет Алеся в чувство.

Повторять не потребовалось – тучная Услава мигом скрылась из виду и понеслась к старому врачу. Человек он хоть был и пришлый, но в болезнях многое смыслил. В тех землях, где он родился, мудрецов не одна сотня жила. Почти на каждом крыльце можно было найти сведущего. А Рафала караванчики лучшим из лучших называли.

– Что ж за лихо на тебя напало, сынок? – спросил староста вслух, лишь только дверь захлопнулась за Уславой. Но ответом ему стала недвижимость единственного наследника.

– Эй, Черета! – послышался чей-то отчаянный крик со двора.

– Погодь, я скоро, – Черета бережно накрыл Алеся покрывалом и вышел на крыльцо. Там стоял кузнец. Его рыжая борода да такие ж огненные волосы топорщились в разные стороны, мятая и местами грязная рубаха была кое-как подпоясана, глаза полнились тревогой.

– Чего тебе, Щекарь?

– Сын мой пропал!

– Как пропал?

– А вот так – с вечера его никто не видел. Как ушел коней у каравана подковывать, так до сих пор не возвращался!

Глава 4. Русалка

В этом месте русло реки забирало вправо, но плавно, оттого берег подступал к воде потихоньку, без обрывов. Подле раскинулся пышный куст лещины. Его широкие листья топорщились в разные стороны, обещая надежно оградить от чужого ока. Ворожея прислушалась, повертела головой, но кроме рыжеватых спинок белок, снующих туда-сюда по веткам деревьев, да сорок, делившихся промеж собой последними сплетнями, никого не заметила. Стало быть, одна. Милава стянула с себя одежду и, оставшись в нижней рубаше, ступила в реку. Течение мягко тыкалось в ноги, прохладная вода, еще не растерявшая купальской волшбы, зазывно искрилась на солнце. Ворожея поплыла, не переча направлению реки.

Там-сям к берегам пристали венки. Видать, многие из них принесло издалече. Девица наслаждалась нежным колыханием воды, мягкими прикосновениями намокшей сорочки, пузырившейся вокруг стана. Вне нужды нести тяжесть тела лодыжка почти не ощущала боли, а прохлада совсем успокоила боль. Вода баюкала и ласкала, вытесняя из головы ненужные мысли, прогоняла тревоги. Милава почти полностью погрузилась в ее мерное покачивание, когда резкий оклик заставил вздрогнуть:

– Ах вот ты где, паскудник! Ах ты зараза такая! – звенел женский голос. Милава тихонько подплыла ближе к камышатнику и, уцепившись за стебли, затаилась. Пышнотелая краса, навроде Услады (только крохотного роста), оперев руки в бока, принялась почем свет ругать молодца. Высоченного роста гигант, опутив нос, страшился даже пикнуть. Подле, спиной к реке, сидела светловолосая девица, от которой парень, видать, только-только отстранился. – Я, стало быть, тебя полночи по всей округе ищу, а ты тут с какой-то блудницей тискаешься!

– Это с чего ты меня блудницей кличешь? – воспротивилась светловолосая девица. Милава, стараясь оставаться неприметной, подплыла еще ближе и нащупала пальцами ног тинное дно – так оставаться на месте оказалось куда проще. Ворожея чуть развела камыш и пригляделась внимательней. Расшитая новехонькая рубаша на тонком стане чуть не подвела, но цепкая память дозволила распознать в светловолосой разлучнице знакомую даже со спины. Воста! Резковатые движения да сталь в голосе только подтвердили, что это и есть та самая спутница, коей ворожея помогла от Алеся отбиться. Вот те на, а тогда так о чести своей пеклась. Права была постояличиха: Воста ни капли не гнушалась купальских утех. Милава припомнила схожую сцену, что случилась ночью. Что, если той разлучницей тоже была Воста?

– Ну не я ж с чужими ухажерами в траве катаюсь! Как есть блудница! – налитая красавица топнула ножкой, но отдавать так просто своего молодца не собиралась. Видать, у неудачливых полюбовников далече дело не зашло. – Давай-ка собирайся!

– Я? – невпопад уточнил молодец с видом собаки, добре отхоженной палкой.

– А то кто ж? Иль ты еще какую блудницу поджидаешь? Я тебе дам по бабам шастать! Так огрею, что мать родную видеть не захочешь, не то что девичьи подолы! – Крепкий кулак угрожающе мелькал перед носом лю2бого, вдвое возвышавшегося над пышнотелой девицей. – А ну шагай! Да куда ты?! Иль где-нибудь в кустах тебя еще какая любовница ожидает?

Милава сделала шаг назад, оступилась и чуть было не упала. Невольный плеск показался способным разбудить волота. Ворожея замерла. Стук сердца отдавался где-то в горле. Еще не хватало, чтоб ее тут обнаружили.

– Что ты... – попытался воспротивиться молодец.

– Лучше помалкивай! – гаркнула краса и потащила лю2бого за ухо в сторону деревни. Еще долго до берега доносилась девичья брань. Но даже когда ее полностью поглотил лес, ворожея почему-то не смела шевельнуться.

– Ну, а ты чего там хоронишься? – Милава вздрогнула. – Иль за мной следишь? – не оборачиваясь, спросила Воста. И когда только она углядела в густом камышатнике? Никак всплеск услышала.

Ворожея несмело вылезла из укрытия. Воста обернулась и прохладно рассмеялась, точно мстя за отобранного любовника:

– И где ж тебя так угораздило выпачкаться?

Милава вспомнила, что еще не успела обмыть лица, и спешно стала стирать остатки глины.

– Ну как ночка прошла? – немного отрешенно спросила смуглянка.

– Как и всякая иная, – уклончиво ответила Милава. Незачем девицу втягивать в свои трудности. Не хватало еще, чтоб Кукоба обратила свой черный взор на Восту.

– А теперича куда?

– В деревню, – ответила Милава и улыбнулась. Вдруг представший перед глазами образ мамки придал уверенности. – А ты?

– И я с тобой, – Воста сплела в косу свои светлые волосы, поднялась, стряхнула с нового платья травинки. Ворожея не посмела справляться о последующих замыслах смуглянки, ведь ту едва ли нынче с радостью селяне привечать станут. Вести в деревне скорее ветра разносятся. Но и Милаве никто ликования не выкажет. Авось разом легче будет. Где одну пнут, там от двух очи отведут. Ворожея ступила на берег.

– Да ты платье-то надень, – задорно улыбнулась Воста. – Иль надумала упущенное в купальскую ночь нагнать?

– Ой, и то правда, – усмехнулась Милава, поглядев на себя.

* * *

– Что с ним, дядька Рафал? Что за хворь на моего братца напала? – тревожилась Услава.

– Не гони лошадей, девка, – седой мудрец поглаживал свою длинную остроконечную бороду и думал. Его черные очи буравили красивое лицо Алеся, испещренное язвами да гнойниками. Кожа молодца еще блестела от сока смоковницы, коим Рафал обтер хворого. Много лекарь повидал на своем веку, но с таким недугом столкнулся впервые. Когда последняя капелька чудодейственного снадобья высохла, врачеватель с ужасом заметил, что на язвочках нет и намека на зародившуюся корочку. Боле того, гнойнички теперь усеяли и виски и даже проглядывались меж корней русых волос на темени.

Старый знахарь поспешил к лавке, где покоился узел с множеством целительных средств. Плохо дело. Рафал суетливо копошился в мешке и что-то бормотал, хватая то стеклянный пузырек, то деревянную коробочку, то глиняный горшочек, краем глаза ловя опасливый взгляд Услады.

– Вот оно, – буркнул Рафал и выудил из таинственных недр мешка красивую медную шкатулочку, сплошь украшенную разноцветными камнями, инкрустированную костью да зернью. Такие в деревне да соседних селениях никто не делал. Смуглый палец нажал какую-то кнопочку. Дочь старосты от неожиданности охнула – замысловатый механизм под дивные звуки, словно от десятка колокольчиков, медленно открыл крышку. На всю избу разнесся пряный густой аромат.

Рафал снял с расписного пояса длинную дудку, что скрывалась доселе в складках пестрого платья, и насыпал в нее щепотку белого порошка из затейливой шкатулки. Затем высек искру, поднес горящую лучину к трубке и сам прикнул губами с иной стороны. Услава недоверчиво косилась на манипуляции врачевателя, но встревать и уж тем паче перечить не смела. Знахарь вдохнул поглубже и, вернувшись к недвижимому Алесю, выпустил клубы черного

дурмана. Терпкий дым окутал хворого с головы до ног, на миг почти полностью скрыв с глаз. Старец повторил процедуру трижды. Заметив волнение дочери старосты, пояснил:

– Этот дым задержит хворь.

– Только задержит?

– Да, пока я не выясню, что за недуг завладел им, это единственное средство, – Рафал нахмурил бронзовый лоб и поспешил к своему мешку. Когда узелок уже покоился в руке, он сказал: – Я вернусь вечером. Принесу еще сок травы-покрик. Ежели и он не поможет...

– Что? Что тогда?! – испугалась Услава.

– Ты только не трогай его. Думаю, что хворь эта заразна, – и пока мне неизвестно, к чему она может привести, – больше ни слова не говоря, старец вышел из хаты.

* * *

Четыре пары сапог неумолимо взбивали пыль с дороги. Черета, Щекарь да близнецы-кожевенники спешили к вынужденному постоею обоза. Крепкие натруженные руки сжимали молоты да топоры, за поясами поблескивали рукоятки длинных ножей.

– А может, он все ж таки с девкой какой расстаться не может? – предположил один из близнецов, хитро подмигнув кузнецу.

– И то верно, а ты тут всполошил всю округу, – поддержал его брат, усмехнувшись в такие же пышные каштановые усы. – Как пить дать, с молодницей в траве валяется.

Щекарь сделал вид, что даже близко не учуял подначиваний.

– Не, мужики, я его самолично к обозу сослал, ошибки свои исправить. Он с того часу не возвращался. Да и у костра я его не припомню, – покачал головой Черета.

– Так может, он все еще у обоза и ошивается? Мастер из него сам ведаешь какой, – кожевенники заговорщицки переглянулись, подавив очередную усмешку. – А мы тут вооружились, точно на войну идем.

– За собой смотрите! – не выдержал Щекарь. – Вот своих малолеток справными искусниками воспитаете, тогда и станете других хаять.

– Не кипятитесь, – упредил зреющую потасовку Черета. Его властный голос мигом избавил близнецов от желания и дальше подтрунивать над непутевым Цветом.

Довольно долго мужчины шли молча, и возникшее поначалу напряжение постепенно спало. Топоры да молоты уже не подрагивали бодро в руках, а лениво отдыхали на плечах. Очи не буравили дорогу, а все чаще отвлекались на вспархивающих птиц да снующих по стволам белок. Но лишь только болотный смрад пощекотал носы, как сбежавшая осторожность возвратилась и усилилась вдвое. Селяне добре ведали свои края, оттого всегда вели себя правильно, не гневя ни Древний лес, ни Смрадную топь.

– Смотрите, что это?! – от ужаса зеленые очи одного из близнецов, казалось, вот-вот выпрыгнут из орбит и покатаются по дороге, что пролегла меж лесом и топью. Мужики пригляделись и, еле сдерживая себя, чтобы не броситься обратно в деревню, сменили решительный шаг на осторожный, подкрадывающийся, выставили перед собой оружие.

Чудовищная картина предстала пред ними – точно древний волот осерчал на торговца и в сердцах растоптал весь обоз – перевернутые телеги, развороченный товар, изуродованные тела стражников, разбросанные тут и там. Кузнец побледнел. Черета с трудом сглотнул рвотный ком, подкативший к горлу. Однако по характерному звуку понял, что кто-то из близнецов того же сделать не сумел.

– Сынок, – тихо позвал Щекарь, опасливо пробираясь меж оторванных кусков человеческой плоти.

– Осторожно. Не разделяйтесь, – наказал староста, след в след ступая за кузнецом. Черета с отвращением и ужасом вглядывался в каждое искромсанное тело, боясь признать в нем сына

кузнеца. Боязливые взгляды близнецов тоже блуждали по мертвым останкам. – А это помощник хозяина обоза, – староста указал ножом на безголовый труп. Зеленый халат так густо пропитался кровью, что его истинный цвет можно было узнать только по чудом нетронутой кайме.

– Сынок, – снова, но малость погромче покликнул Щекарь, но, наткнувшись на очередного мертвяка, охнул и возвел очи к небу. И тут его взгляд привлекло нечто, притаившееся у самой верхушки сосны. – Сынок?

Череда и братья-кожевники тоже подняли головы. Желтоватый ствол обнимал не кто иной, как кузнецов сын. Его живот, руки и щека точно вросли в кору.

– Сынок! – закричал кузнец, не обращая внимания на шиканья близнецов. – Сынок!

Однако прилипшее к сосне тело даже не шелохнулось. Ни единый мускул не дрогнул.

– Сынок!!! – во все горло заорал кузнец, но крепкая ладонь одного из близнецов, накрывшая его рот, заставила смолкнуть. Второй брат вовремя подоспел, ухватив мастера за запястья.

– Не буди лихо. Сам ведаешь, какие места кругом. – Череда указал в сторону топи. – Не хватало еще, чтобы тот, кто сотворил такое злодеяние, услышал нас и возвратился.

Щекарь перестал биться.

– Гляди, мы тебя отпускаем, – настороженно предупредил кожевник, который укрывал мастеру рот. Кузнец кивнул.

– Как же его вызволить оттуда? – спросил один из близнецов.

– Я за ним слажу, – бросил кузнец и ухватился за нижнюю ветку сосны.

– погоди, – староста за шкирку вернул Щекаря на место, – тут надобно поразмыслить.

– Да пока мы размышлять станем, эта гадина снова сюда явится! – воскликнула кузнец.

Близнецы опасливо огляделись.

– Мужики, а вам не кажется, что с Цветом что-то не так? – спросил Череда, не сводя пристального взгляда с верхушки сосны.

– О чем ты? – переспросил Щекарь. Близнецы также обратили все свое внимание на старосту, заподозрившего что-то неладное.

– О боги! Да он же, что луна, седой стал!

– И то правда, – разом охнули братья.

– Сынок, – только и сумел выдать из себя батька. Но Цвет не пошевелился.

– Хоть бы не сдурел совсем, – кожевник едва слышно поделился предположением с братом. Староста укоряющее покосился, краем уха услышав перешептывания. Близнецы смолкли, виновато потупив взоры.

– Надобно в деревню возвращаться, – решил вслух Череда.

– Да как же его тут одного бросить? А вдруг... – заволновался Щекарь, но староста оборвал его речи.

– Погодь. Одного его никто покидать не собирается. Надобно разделиться. Двое возвратятся в село за веревками. Да и лишнюю пару рук сыщут.

Близнецы согласно закивали, готовые вот-вот тронуться с места. Староста, заметив их поспешную готовность, пояснил:

– А вы погодьте. Один останется со мной, а другой пойдет со Щекарем.

– Череда, я тут останусь, – воспротивился кузнец.

Староста некоторое мгновение не сводил внимательного взора с мастера, а затем изрек:

– Нет, тебе надобно мысли в порядок привести, горячность унять. А мы покамест придумаем, как сына твоего с дерева снимать станем.

Сталь, в которую облачился голос Череды, приневолила Щекаря прекратить всякие споры. Кузнец еще раз возвел глаза к сыну, впившемуся в желтоватый ствол, нехотя развернулся и пошел по дороге в село. Близнецы выкинули на пальцах, кому оставаться.

– Ну, чего мешкаете? – спросил староста.

– Давай тут осторожнее. Мы быстро обернемся, – похлопал коженник брата и поспешил за Щекарем, уже скрывшимся за поворотом.

* * *

Милава напоследок склонилась над водой, гарцующие водоросли навеяли воспоминания о недавнем сне. Невольно память подняла из глубин образ любимого верного пса Бутава, что не хуже няньки защищал и заботился о маленькой ворожее. И как только преданный друг, что помер на могилке мамки Милавы от истощения, мог перекинуться во сне, дарованном великим Велесом, в злобного хищника? Никак то было предупреждение.

Внезапно отражение ворожеи превратилось в чужой, смутно знакомый лик. Русалка! Милава отпрянула, но златовласая девица поднесла указательный палец ко рту, призывая к молчанию. Ворожея обернулась – Воста топталась на берегу, обрывая лепестки ромашки. Интересно, на какого из молодых она гадала?

– Что тебе надобно? – шепотом спросила ворожея.

Утопленница поманила к себе.

– Чего ты медлишь? – нетерпеливо спросила Воста.

– Ничего, уже иду.

Однако, когда ворожея снова посмотрела на воду, сумела заметить лишь ускользящий в мутную глубину край льняной рубахи. Видать, громкий вопрос Восты спугнул русалку. Странно, что же она хотела рассказать? Милава пожалела девицу – отсутствие хвоста и одежда говорили, что русалка новорожденная. Никак этой купальской ночью утопла. Вот только где ж ворожею ее видела? Милава решила вернуться сюда к ночи да, оградив себя кольцом, выяснить, чего желала русалка. Кто ведает, может, она хотела передать весточку родным. Что ж, это немного задержит, но ничего. Одна ночь – и Милава сможет отправиться к себе на болота.

Ворожея убедилась, что на лице не осталось грязи, оторвалась от созерцания водной глади и выпрямилась:

– Пойдем.

Девицы молча побрели в деревню.

* * *

Как ни старался староста упросить Цвета покинуть дерево, тот не то что ни разу не откликнулся, даже пальцем не шевельнул. Что ж за нечистик тут злодействовал? Весь обоз перерезать да перевернуть обычному человеку не под силу. Да и разбоем не пахнет – на товар-то лиходея не покусился. Никак ведьмак залетный лиходеяствовал. Да еще там, в хате, Алеся какая-то хворь побила. Староста тяжело вздохнул. Против воли перед глазами предстал образ пришедшей девицы.

– Черета, а вдруг он помер? – высказал тревожную догадку коженник. – За все время, что мы тут, он даже не шелохнулся.

Староста еще раз поднял очи к вжавшемуся в ствол сосны Цвету и замотал головой:

– Нет, я отсюда вижу, как его веки смыкаются.

– И то верно, – с облегчением выдохнул коженных дел мастер, тоже узрев нечастое моргание.

– Но вот то, что парень рехнулся, боюсь, правда.

– Станет теперича, как Гедка-юродивый, по селу летать... Что?

Староста одарил мужика укоризненным взглядом:

– Ты только кузнецу подобного не сказывай. Не то познакомится твоя деревянная башка с его молотом – даже я охранить не сумею.

Кожевенник резко побагровел и потупился.

– О, кажись подмога едет! – радостно воскликнул Черета. Кожевенник также устремил лик в сторону села. И хоть поворот еще никого не позволил узреть, усиливающийся топот копыт, нещадно вздыбливавших дорогу, заранее оповестил о приближении всадников.

Скоро показались трое пеших – кожевенник, Щекарь да Вит, молодой чернявый мельник, что нес в крепких руках скрученную веревку. Доносившееся нервное ржание лошадей, благоразумно оставленных за поворотом, подтверждало, что животины чуяла неладное.

– Быстро ж вы, – похвалил мужиков Черета.

– Как он? – взволнованно спросил кузнец.

– По-прежнему, – ответил староста, на всякий случай поглядев на кожевенника. Но тот и виду не подал, что даже помнит о своих недавних соображениях.

– Кто полезет? – спросил возвратившийся близнец.

– Я! – разом ответили кузнец да Вит, коему пару весен тому назад довелось унаследовать от батьки мельницу и немалое подворье. Даром что молодой, а хозяин он был добрый: ни мышшь, ни даже крохотная букашка не отваживались поселиться в добре новоиспеченного мельника. И это притом, что редкий человек на деревне веровал, что молодец сдюжит с таким наследством в одиночку. Ан нет, не сплосал, не убоился. Да так справно к делу подошел, что одним из самых видных женихов на селе сделался. С ним разве что Алесь, сын и наследник старосты, посоперничать и мог.

– Погодь, кузнец, – удержал Черета Щекаря, рвущегося на подмогу сыну. – Пускай Вит лезет. Он легче тебя, а в силе не уступит. А мы отсюда подсобим.

Не успели прочие оглянуться, как мельник накинул на шею моток скрученной веревки, уцепился за ствол и полез вверх. Братья-кожевенники только диву давались его ловкости. Ни отсутствие веток, на кои можно было бы опереться, ни хрупкая кора, что кусками срывалась и падала на мох от малейшего давления, нисколько не умаляли проворности Вита. Он в считанные мгновения добрался до сына кузнеца и закрепил веревку за ветку, подле которой тот сидел. Один конец сбросил вниз, а другим обвязал все еще недвижимого от пережитого молодого мастера.

– Готовы?

– Готовы! – откликнулись мужики, крепко стискивая веревку.

Вит понял, что договориться с напуганным до смерти Цветом – гиблое дело, тот лишь с безумным видом хлопал веками, даже не пытаясь хоть что-то произнести. Оттого, не предупреждая, стал отрывать впившиеся в ствол руки молодца. Но это оказалось не так просто – ладони точно превратились в сучья, а тело упорно не желало покидать насиженное место, точно птица гнездо.

– Ну, чего ты там возишься? – крикнул один из близнецов.

Щекарь не сводил взволнованного взгляда с кроны.

– Сейчас! – Вит со всей мочи рванул кисти молодого мастера в стороны от ствола и тут же ощутил, как тело молодца внезапно обмякло и стало заваливаться на бок. Мельник направил парня в нужную сторону. – Давайте!

Мужики осторожно стали приспускать веревку, плавно опуская Цвета. Наконец сын кузнеца оказался на земле.

– Сынок, – покликнул Щекарь, поглаживая абсолютно белесую шевелюру. Молодец не шевелился.

– Давайте-ка вернемся в деревню, – предложил Черета, настороженно поглядывая в сторону болот. – Кто ведает, что тут случилось и как далече это лихо гуляет.

Близнецы закивали, их испуганные лики стали еще более одинаковыми, ежели такое вообще мнилось возможным.

– А как быть с ними? – спросил Вит, очертив пальцем в воздухе мертвые изуродованные тела. – Неужто так и бросим, не посыпав землицей? Не дай-то боги, науськает болотная нечисть – они уже к ночи в деревню явятся.

Братья-кожевники побледнели пуще прежнего: не то от отвращения перед захоронением раздробленных останков, не то от страха перед ожившими мертвяками.

– Хоронить надобно, – одобрил староста. – Но, насколько мне ведомо, по их вере усопших не земле предадут, а огню жалуют. Да, – почесал голову Череда, – еще надобно весточку в Рогачев послать. Но сперва Цвета в деревню доставим, а там поболее народу соберем и снова сюда вернемся – погребальный костер разложим. И давайте не будем мешкать: надобно все это до наступления ночи поспеть.

Мужики понимающе переглянулись, подхватили сына кузнеца под руки и заспешили к лошадям.

* * *

– Куда это ты так спешишь, почтенный Рафал? – окликнула седобородого лекаря Доморадовна. Врачеватель лишь на несколько шагов поспел удалиться от хаты старосты. Но, услышав зов, остановился, слегка склонившись в знак приветствия. Женщина выглядывала из-за приоткрытой калитки, точно кого-то опасалась. Под мышкой она удерживала любимого петуха. Птица орала и дергалась, но морщинистая рука крепко сжимала самую значимую драгоценность в хозяйстве.

– Сыну старосты нездоровится, – уклончиво пояснил старец.

– А что с ним? – Глазки Доморадовны превратились в узкие щелочки.

– Пока толком сам не уразумею, – озабоченно пояснил Рафал.

– Надобно проведать молодца. Ведь Хохлатый лишь благодаря смекалке Алеся наконец за дело принялся! – гордо возвестила Доморадовна, с нежностью поглядев на своего петуха. Только вот птица такого проявления чувств хозяйки не разделяла, продолжая рваться на волю.

– Нет, не ходи! – громче, чем дозволено, воскликнул врачеватель.

– Это еще почему? – бабуся так и впилась в Рафала глазами. Хохлатый присмирел.

– Э-э-э, – замешкался старец, но уже уразумел, что сам себя выдал. И надобно ж было ему именно на Доморадовну наткнуться! Эта так просто не отстанет.

– А-а-а! – вдруг заорала баба. Пернатый стервец все ж таки принялся за старое – длинный клюв воткнулся в мягкую морщинистую плоть. – Твое счастье, что куры так добре несутся, а не то б я тебе башку прямо сейчас скрутила!

В сердцах она выкинула Хохлатого к себе в подворье. Петух, потерявший в вынужденном полете пару перьев, но не гордость, приземлился удачно. Выпрямился, кукарекнул и с важным видом удалился в курятник. – Вот же падла пернатая! – Доморадовна потеряла ушибленное место, проводив петуха гневным взглядом.

– Покажи-ка, – дядька Рафал подошел ближе. Теперича ему уж точно деваться было некуда – покуда станет руку лечить, Доморадовна все из него выведает. Ну, поди оно и лучше. Чем скорее вся деревня о хворобе узнает, тем скорее осторожничать начнут, стало быть, хворь далече не расползется.

– Ничего. Тут всего-то подорожник приложить – и ранки как не бывало. У меня как раз он в суме имеется.

– Пройдем в хату, почтенный Рафал, – пригласила Доморадовна, мысленно потирая руки в предвкушении увлекательного рассказа. Старец, вздохнув, поплелся следом за вмиг ожившей хозяйкой.

* * *

– На сбор! На сбор! – орала во всех концах села мальчишки-глашатаи, добровольно вызвавшиеся оповестить каждого жителя деревни.

Хотя о кровавой расправе, что постигла целый обоз на дороге у болот, мало кто не ведал. И все ж причесать в умах селян все, что случилось за последнее время, стоило. Люд тут жил хоть и мирный, а все ж на расправу бывал скор. Потому растолковать надобно. Да и, чем нечистик не шалит, авось кто чего видел иль слышал.

Староста с самым невозмутимым видом ожидал, пока соберется вся деревня. Но чего ему стоило это спокойствие, ведали лишь боги. Он не памятовал, чтобы на веку его батьки и даже деда зараз случалось столько недоброго. Растерзанный обоз, захворавший невесть каким недугом сын... И хоть не желал он признаваться вслух, но про себя уже в который раз вертался к красивому лику Милавы.

Солнце сидело аккурат в самой середке небосклона, щедро даруя земле свои золотистые лучи. Те немногие селяне, что уже пришли на сбор, не без усмешек наблюдали за выкрутасами Гедки, сына вдовицы Домны. Долговязый босоногий паренек с нечесаной копной русых волос блаженно плескался в луже. Он с упоением размазывал черные комья по льняной рубахе и штанам. Люд только посмеивался, когда Гедка принялся объяснять, что это месиво вовсе не грязь, а самая что ни на есть целебная жижа. А после купальской ночи она и вовсе благословенной богами сделалась. Но лишь только Гедка стал окроплять «святыней» соседей, как беззлостный хохот сменился недовольством, а затем и негодованием. Кое-кто из мужиков успел схватить юродивого за вороток и даже занес кулак.

– А ну стой! – крикнул староста, вовремя подоспевший на выручку. – Оставь мальчика в покое.

– Да ты погляди, Черета, что он с моей рубахой сотворил! – крупный палец с черной лентой под ногтем указал на два свежих пятна.

– Отпусти! – велел староста. – Твоя рубаха ненамного стала грязнее.

– Девять годков стукнуло, а голова пустая, что закрома у разгильдяя, – пробурчал побавровевший мужик под общий хохот и нехотя ослабил хватку. Юркий малец снова плюхнулся в лужу.

– Гедка, – куда мягче покликнул паренька Черета. Взъерошенный, аки воробей, постреленок поднял на старосту глаза. Черета в который раз подивился их глубочайшей синеве. – Подь сюда!

Паренек послушно запрыгал к старосте на левой ноге.

– Ты зачем одежду мараешь – мамке лишних забот подкидываешь?

– Так я ведь теперича целый год хворать не стану! – радостно известил Гедка и с разбегу снова шлепнулся в грязь.

– Гедка! Вот ты где! Вылезай, негодник, – закричала подоспевшая Домна. Ее намитка слегка съехала набок, дозволив выбиться паре белесых прядей. Многие бабы на деревне ведали, что голова вдовицы уже давно, еще с похорон мужа, сплошь оделась в раннюю седину. То ли из-за внезапной кончины супруга, то ли из-за переживаний за сына.

– Мамка, а мне теперича никакие хворобы не страшны, я в благословенной луже испупался! – объявил счастливый малец.

– Вылезай, кому говорю!

К всеобщему облегчению Гедка оставил-таки лужу в покое. Женщина виновато поглядела на селян, одежду которых украшали грязные кляксы.

– Останься, Домна, – попросил Черета. – Все равно малец уже весь выпачкался. А послушать, что случилось, тебе тоже надобно.

Женщина кивнула и отвела сына в сторонку, дабы тот больше не смог никому сотворить худого. Ей не пришлось долго волноваться. Народ быстро откликнулся на зов: не поспело облако скрыться за лесом, как люд уже толпился близ вещательной бочки, откуда староста пересчитывал прибывших. В ожидании, когда самый важный человек на деревне возьмет слово, селяне негромко обменивались страшными вестями. Те, кому впервой довелось услышать, что сотворилось с обозом, в ужасе хлопали глазами и прижимали к себе детей. Не досчитавшись всего нескольких человек, Черета звучно прочистил горло и начал говорить:

– Соседи! Мыслию, что дурная весть уже поспела облететь все село. Но, как велит порядок, поведаю обо всем. Ночью какой-то лиходея напал на торговый обоз и перебил всех людей, что на нем ехали.

– Не просто перебил, а разорвал на куски! – для пушего впечатления не к месту влез один из близнецов-кожевников.

Бабы ахнули. Мужики заговорили наперебой. Староста укоризненно поглядел на любителя красного словца – тот вмиг стал ярче самой спелой боровки¹⁰ и с преувеличенным интересом уставился в землю.

– Покамест страшиться нечего, – поднял руку Черета, призывая люд успокоиться. Гул немного стих. – Но дабы души и тела усопших обрели покой, следует возвратиться к стойбищу и проводить погибших в последний путь до наступления ночи.

Селяне боязливо закивали.

– Потому, мужики, не мешкайте. Седлайте коней – поедем. Бабам велю оставаться в хатах и на всякий случай запереться до возвращения мужей, – староста уже хотел спрыгнуть с бочки, как испуганная Домна, прижимая к юбке улыбающегося Гедку (юродивый, видать, один не уразумел, что случилось), решила вслух задать вопрос, кой терзал головы всех селян:

– И кто ж такое сотворить-то мог?

– Может, волки задрали? – предположил кто-то из мужиков.

– Да где это видано, чтоб волк посреди лета на людей нападал?! – замотал головой мельник.

– Тогда медведь?

– Чушь! – отмахнулся Вит.

– Какой медведь! Какие волки! Тут дело явно нечисто! Без темной ворожбы не обошлось! – высказала догадки Доморадовна, по обыкновению сжимая под мышкой петуха и не сводя внимательного взгляда со старосты. Стоявший в сторонке лекарь Рафал только ниже склонил голову.

– Неужто Черная Кукоба? – неуверенно спросила какая-то из баб.

– Как же она людей загрызла? У нее и зубов-то почти не осталось, – пожалала плечами другая.

– Какая Кукоба?! Она ж со своей хаты невесть сколько не выходит! – опровергла домыслы третья.

– А ей, чай, и не надобно выходить! – высказал догадку местный пьянчуга, вытерев грязным рукавом синеватый нос.

– А что, ежели помимо Кукобы умелицы имеются?

– О чем это ты, Доморадовна? – недоверчиво спросила Домна. Десятки пар глаз устремились к бабке.

– Неужто никто из вас не ведает? – с притворной неосведомленностью спросила та. Люд замотал головами. Хохлатый снова стал биться и вырываться из цепких морщинистых рук. Бабка дождалась, покуда не останется ни одного селянина, который глядел бы куда-нибудь

¹⁰ Боровка – устаревшее название брусники.

кроме нее, и с победоносным видом пояснила: – Так у нее ж внучка имеется! Вчерась к нам в деревню пожаловала!

Люд ахнул в едином порыве и принялся чертить в воздухе защитные знаки да шептать молитвы. Кто-то даже сделал несколько шагов назад, точно пред ним предстала невидимая внучка Черной Кукобы.

– Ну почему ты решила, что это она? – спросил доселе хранивший молчание староста. – Разве можно человека просто так обвинять?

Народ притих – не привык он первому человеку на селе перечить. Но и Доморадовне, которая уже запомнила, когда свою пятидесятую весну справила, не доверять виделось оплошностью.

– Просто так? Я сейчас все, что знаю, скажу! А люд пускай сам решает – права я иль нет! – громко возвестила Доморадовна и притопнула, точно бросила вызов Черде. Птица заливисто заорала, но хозяйка только стиснула ей клюв. Селяне не сводили глаз, ожидая, что же такого им поведает бабка. Та и не мыслила отступить. – Вот приметил ли прибывшую девку хоть кто-нибудь у священного купальского костра?

Люд замотал головами. Староста закатил глаза.

Вит хмыкнул:

– Вон Домны с Гедкой тоже не было. Так неужто и они ей подсобляли?

Домна побледнела и теснее прижала сына. Селяне же недоверчиво зацокали, уже всецело поверив в невиновность незнакомой девки.

– Погодьте, я еще не все открыла! – взвизгнула бабуся. – А как кошка к огню подбегала все помнят?

Народ кивнул.

– Лапу ей каменюкой перебили – было такое?

Снова десятки голов подтвердили подлинность сказанного.

– А не по этой ли причине она поутру вдруг захромала, тогда как еще вчерась вечером прыгала на зависть лягухам?

Народ загудел.

– Ну, это еще ничего не значит. Авось простое совпадение, – Черда изо всех сил старался сохранять невозмутимость, хотя злоба на бабуся, смущавшую простой люд, росла с каждым мигом.

– Да с чего ты вообще взяла, что девка эта с черной силой братается? – спросил Вит.

– Да уже одно родство с Кукобой само за себя сказывает! – с легкостью отразила натиск Доморадовна. – Тем паче разве станет добрая девица без спросу в чужом хлеву ночь коротать, поутру лик не мять? Как пить дать, ведьмарка!

– Ведьмарка! Ведьмарка! Мы тоже видели! Мы тоже ведаем! – внезапно кинулись на подмогу Доморадовне две девицы-подружки: одна темноволосая да лопаухая, другая с волосами точно молодой месяц и длинным носом-морковиной.

Селяне тут же обратили на них все свое внимание.

– И что ж вы видели, пригожуньки? – хмыкнул пьянчуга.

Девицы наперебой стали рассказывать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.